

ХРАНИТЕЛИ ДОНБАССА

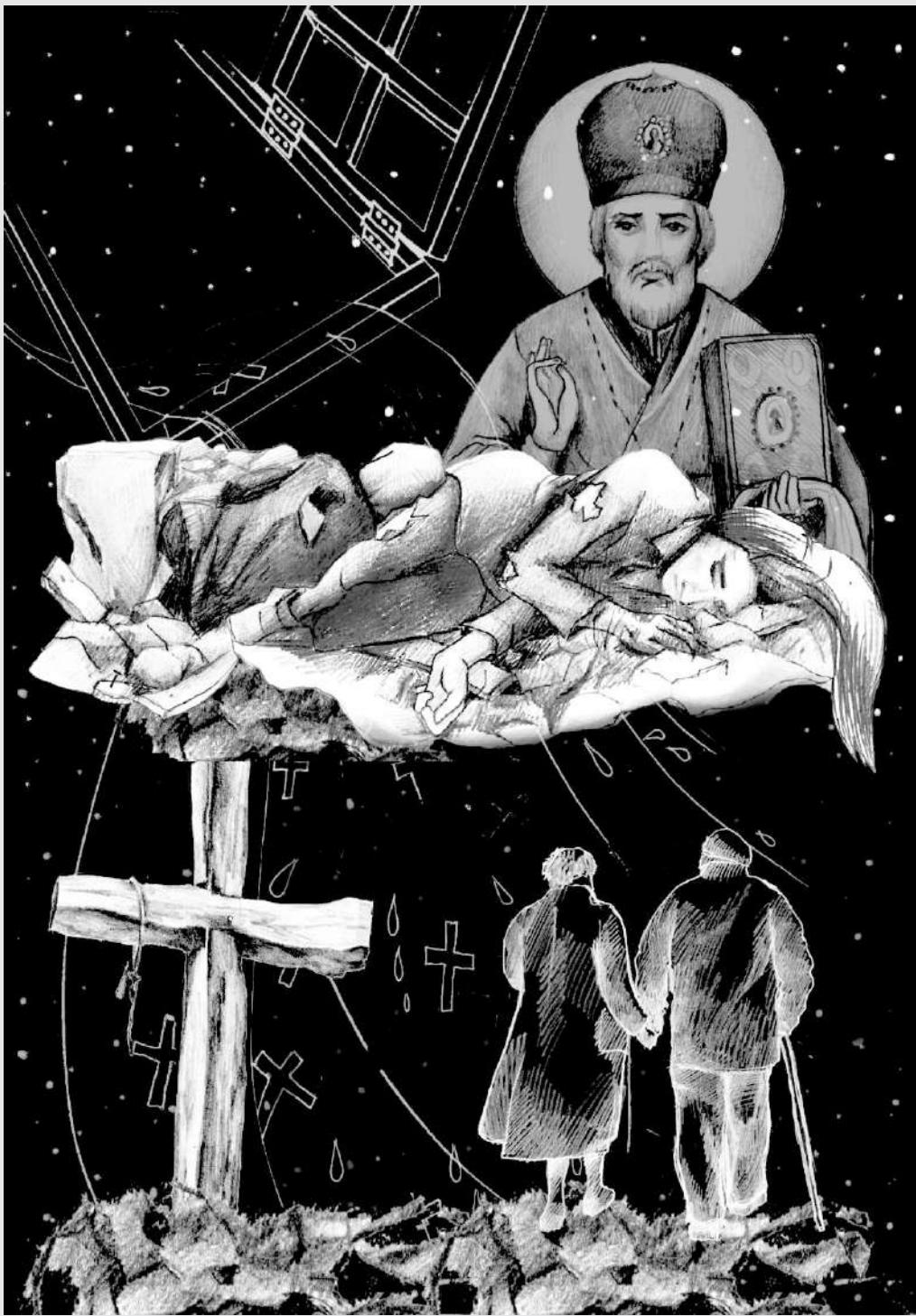

Иллюстрация Маруси КЛИМОВОЙ

ДВЕ ВОЙНЫ СТЕПАНИДЫ

Рассказ

1

В тот памятный для Степаниды Никифоровны весенний день со стороны украинских войск неожиданно начался артобстрел. Мина упала на край огорода, аккурат рядом с могилкой, — покосился крест. Никифоровне повезло: солнце к тому времени прошло зенит, с посадками она закончила и направлялась в дом, но не успела войти. Взрывной волной её подбросило на крыльце, она ударилась головой о косяк и потеряла сознание. В себя пришла от того, что кто-то тряс её за рукав.

— Жива, что ль? — услышала голос деда Тараса.

— Вроде, — неуверенно ответила.

Кряхтя, дед поднял её под мышки, усадил и сам устроился тут же, на крыльце.

— Чего дрожишь вся? Контузило, что ль?

Никифоровна молчала.

— Щас, погоди, — старик тяжело поднялся, вошёл в хату и через минуту вернулся на крыльце. — На вот, накинь. — Помог соседке надеть ватник, заботливо застегнул на все пуговицы.

— Чего это... снова бомбили?..

— Почему снова? — не понял дед. — Не бомбили ж раньше...

— Ну, немцы... снова бомбят?..

Тарас участливо посмотрел на соседку, пригладил ей растрёпанные седые волосы, вздохнул:

— Так то ж разве немцы?.. Свои это... бандеровцы. Знать, гостей надо ждать...

— Как же так? — От растерянности Никифоровна была как не в себе, синюшные губы её дрожали. — Бандеровцев постреляли да пересажали давным-давно...

Дед Тарас хотел было что-то ответить, но, глянув на соседку, передумал, махнул рукой.

— Отлежаться тебе надо, Степанида. После такого, — он кивнул в сторону воронки, — всякое помешательство случиться может.

Это и был их последний разговор.

День клонился к концу, вечерело.

БТР со свастикой по бортам нёсся по улице, остановился на полном ходу возле мазаной хаты: бронемашина осела, качнулась и замерла. Пыльное облако, катившееся восьмёркой, накрыло её вместе с башней и крупнокалиберным пулемётом и рассеялось. Скрипнув, открылся люк, оттуда осторожно показалась голова в шлемофоне, огляделась.

Кругом были свежие воронки от мин, слева — догорающий остов дома, справа — хата с уцелевшими окнами, ухоженный огород с зеленью всходов, старуха тут же поправляла покосившийся крест.

Голова на мгновенье исчезла и снова появилась, но уже без шлемофона — с коротко остриженными ярко-рыжими волосами.

— Чего там, Юрёк?! — раздалось из утробы БТР.

— Да почекай ты! — ответил рыжеволосый.

— Там могут русские быть или чеченцы, — вновь прозвучало из машины.

— Та ни, наша артиллерия добре попрацовала, так и не было здесь русьни. Се-рая зона. Здесь тильки старуху бачу, да дид вон по воду собрался. Надо десь зупыниться, повечёряться. Ты тильки не глуши двигло, покй наши десантники не повернутыся!

Наконец на броню вылез солдат в камуфляже с жёлтой повязкой повыше правого локтя, он поправил на плече лямку с автоматом.

По обочине шёл дед Тарас с пустым ведром.

Рыжий вальяжно развалился на броне, положив свой АК рядом, полез в карман за сигаретой, закурил. Дождавшись, когда прохожий поравняется с ним, окликнул:

— Куды направился, диду?

— За водой, вон колодец. — Старик махнул рукой.

— Чому на ридной мови не размовляйэш? — В голосе солдата появилась угроза.

— Так это и есть моя родная речь, — ответил дед и пошёл дальше.

— Сепар, значить! — зло прошипел рыжий и цыкнул слюной. — Русня у сели йэ?

— Сейчас не поймёшь кто где, — оглянувшись, уклончиво ответил Тарас.

— А ну стий! — В словах рыжего была ненависть и решимость. — З нашей крыныци сепарам пыты нэ можна! — он передёрнул затвор.

Дед остановился.

— Какой же я сепар? — примирительно начал он. — Всю жизнь прожил здесь. Сколько помню себя, всегда по-русски говорил. — Он кивнул в сторону разбитого дома: — Вон чего творится! Пока тихо вокруг, мне надо воды набрать. — Дед пошёл дальше — до колодца было рукой подать.

— Ну як знайэш! — процидил сквозь зубы рыжий. Ухватив рожок автомата, не целясь, он привычным движением нажал на спусковой крючок.

Никифоровна в это время всё возилась с могилкой у себя во дворе. Услышав выстрел, она, вздрогнув, обернулась. Как увидела Тараса, вскрикнула: тот, вскинув руки к небу, упал в придорожную пыль; рядом лежало ведро.

Рыжий как ни в чём не бывало спрыгнул на землю и направился к старухе, ставшей свидетельницей расстрела. А из башни высунулась голова и крикнула:

— Эй, а машину куда ставить?

Не оборачиваясь, тот безразлично махнул рукой:

— Заезжай на огород. Всё одно не встыгне выросты!..

Пока солдат хозяйственным шагом, вразвалку, шёл мимо вспущенных¹ грядок, то и дело при-миная подошвами берцев молодые всходы, он изучал взглядом старуху. Та, как нарочно, делала вид, будто не замечает его, поворачивалась к нему спиной. Но рыжий знал, что это лишь видимость: слышал, как охнула бабка, когда с пулей в груди завалился на землю тот дед.

Одета бабка была плохо: стеганый зата-сканный ватник, чёрные шаровары выглядывали из-под подолов нескольких юбок, напяленных одна на другую.

Вот солдат подошёл к хозяйке совсем близко, но та по-прежнему не подавала виду, что знает о его присутствии: всё копалась в земле, поправляя крест, подпирая его камнями. При этом старушка что-то тихо, но живо лопотала себе под нос, даже как будто на разные голоса разговаривала с кем-то. В речи то и дело слышалось имя Клава.

Солдат постоял чуток рядом со старушкой, потом ковырнул ботинком свежую рыхтину от взрыва, она — молчок. Наконец заговорил:

— Здравствуй, бабка! — чуть ли не в самое ухо её крикнул по-русски.

Та, дернувшись, подняла глаза на рыжего и перекрестилась.

— Кто там у тебя? Клава — дочь, что ли? — кивнул на крест — красивый, кованый, такие бывают на старинных погостах.

— Мама... папа... дядя и бабушки, — тонко, совсем как ребёнок, ответила Никифоровна. Жалостливая гrimаса появилась на её лице, подбородок мелко затрясся.

— Чего они в одной могиле-то? — любопытствовал рыжий. Сразу старушка не ответила, и он, не дождавшись, спросил о другом: — Русские, чеченцы есть в селе?

Солдат, поправив сползшую с плеча лямку АК, пристально изучал реакцию старушки на вопрос.

— А вы кто? — робея перед незнакомцем, спросила она.

— Кто мы?! — рыжий ухмыльнулся. — Да ты, видать, не только глухая, а ещё и слепая! — он заржал и сунул старушке под нос рукав с шевроном и жёлто-синим флагжком.

Старушка отпрянула, изменилась в лице:

— Немцы, значит.

Бабка явно была не в себе, и рыжий безразлично махнул рукой: мол, немцы так немцы, думай как хочешь.

— Нет, пан, русских нет, — та запоздало пролепетала ответ на вопрос.

Узнав о расстреле деда Тараса, старухи, что ещё оставались в селе, попрятались по хатам и почти не выходили. Те дома, что уцелели после обстрела украинских войск, заняли военные. Фронт громыхал, то отдаляясь, то приближаясь к селу.

¹ Вспушить — взрыхлить.

Никифоровна сбилась со счёта, сколько дней она провела в страхе. Месяц?.. Два?.. Всё это время укронацисты жили у неё в доме. Рядом с БТР во дворе стоял танк, на башне которого флаг Вермахта — красное полотнище с чёрными крестами, а ближе к древку — свастика в белом круге. Со вселением танкистов хлопот у хозяйки добавилось — теперь готовила она для шестерых. Себя и не считала — много ли надо ей?.. Да и ходила-то чумазая, нечесаная.

Постояльцы разговаривали кто на украинском, кто на русском. На теле у многих из них кресты синие и надписи — видела она такие у немцев, которые жили у них с теткой во время первой войны в сороковые.

В голове у Никифоровны всё спуталось: кто живёт теперь у неё — украинские каратели или фашисты? Для неё все «немцы», у кого свастика; остальных звали «панами». Постояльцы лишь посмеивались над ней, мол, хозяйка со страху «с глазу съехала».

— Бабка, ты хоть бы лицо умыла! Ходишь, как чёрт, вся в саже! — потешался над ней рыжий.

Его малость зацепило осколком — ничего серьезного, но теперь прихрамывал на левую ногу.

— Она чеченцев дожидается. Хочет, чтобы за свою приняли, — подхватил насмешки рыжего другой солдат — с татуированной свастикой на бритом затылке. Добавил: — Только режем мы их, — и поиграл в руке финкой. — А с тобой, старая, что делать, а?

Никифоровна отмалчивалась, делала своё дело — стирала мужское бельё, готовила еду да шприцы собирала по всем закуткам в хате.

Когда впервые обнаружила она в доме своём шприц, решила, что болеют её «паны» и «немцы», потому и колют себе лекарства. А как-то набралась смелости, спросила, что за «микстуру» такую панам выдают.

Те долго гоготали, рыжий ответил:

— Тебе, бабка, микстура эта ни к чему. Она другие болезни лечит!

— А что, может, ширнём бабульку? — со смехом предложил бритоголовый. — Автомат ей дадим! Или нет, лучше косу, чтоб сразу на смерть похожа стала, и на передовую пустим!

Степанида стояла посреди кухни и только глазами хлопала, ничегошеньки не понимая.

Время шло. Фронт вплотную приблизился к селу. Обстрелы сменялись затишьями. Огород Никифоровны превратился в изрытый колёсами и гусеницами клочок земли — значит, урожая в этом году не будет. А ещё больше старушка жалела своих несушек и петуха — всех пришлось скормить «панам» и «немцам». Одну только рябую наседку она всё же попыталась скрыть. Думала, на горище² не найдут её. Да где там! Выследил бабку рыжий, когда полезла та курочку кормить. Пришлось и последнюю под нож пустить. А рыжий, прихлебывая наваристый суп, бахвалился за столом, что от него ни одна сепарка не уйдёт.

Пленных русских Никифоровна впервые увидела, когда возвращалась в хату с ведрами на коромысле. Бандеровцы с нашивками УПА выволокли и бросили посреди улицы четверых солдат с белой опознавательной повязкой на рукаве и связанными за спиной руками. Им было не больше двадцати пяти лет на вид. Среди них один бородач. «Чеченец, наверно», — догадалась Никифоровна.

Пленных сначала избивали ногами, а потом рыжий угрожал финкой, требуя, чтобы те встали на колени.

Старушка ни жива ни мертва просеменила мимо на непослушных ногах, не в силах обернуться. За ее спиной послышалась возня, клокочущие звуки, похожие на всхлипы, возглас «Аллаху акбар!» и снова клокотанье.

— Бабка, а ну стий! — когда уже поднялась на крыльце своего дома, услышала она озлобленный голос рыжего.

Коромысло само сползло с ее плеч, вода выплеснулась на ступеньки. Никифоровна юркнула в хату и, не помня себя от страха, залезла в подгреб. Как спустилась, изнутри надёжно подпёрла люк: просунула меж скоб толстую жердину.

Схрон готовила загодя, с месяц: сперва тайком приносила в спаленку остатки хлеба, керо-

² Горище (укр.) — чердак.

сина для лампы, спички, отложила шерстяное одеяльце да тряпки, да кое-какую утварь, да пятилитровую канистру воды — всё припрятывала в комнате. Потом, пока чужих в доме не было, хозяйка отворяла прикрытый домотканой дорожкой люк в полу между кроватью и сундуком и через лаз спускала своё добро вниз, в подполье.

Как только старушка закрепила жердину, в хату вбежал рыжий: Никифоровна узнала его по пришаркивающему тяжёлому шагу. Шумел, разговаривал сам с собой, ругался, будто невменяемый, — видать, после «микстуры» своей... Кликал он Степаниду, а та, притаившись под полом, помалкивала. Тогда рыжий, конечно, сообразив, где хозяйка прячется, дернул люк — тот не поддался. «Сама сдохнешь, тварь!» — озлобленно крикнул он и шваркнул по полу тяжестью, припечатав люк, после чего, грохоча подошвами берцев, выбежал на улицу: как раз в это время стреляли. Между звуками от разрывающихся мин Никифоровна слышала шум работающего двигателя БТР, потом забумкал пулемёт. Страшно ей было, а не меньше страшно от мысли, что быть ей заживо погребенной здесь, под домом, если в него попадет снаряд.

Все дни в заточении старушка с тревогой прислушивалась к этим звукам войны — то они приближались к ее дому, то отдалялись. А совсем близко, на огороде возле дома, танк стоял — так вот день назад сначала пару раз что-то оглушающе взорвалось, и он, лязгая гусеницами, стал как будто отдаляться от хаты. Никифоровна слышала звон от разлетающегося на осколки стекла; стены задрожали, скрипом отозвались балки погреба, часто секло осколками смертоносного металла стены, но дом выстоял. В такие моменты, когда душа уходила в пятки, старушка начинала истово молиться, встав на колени перед иконой Николая Угодника.

С той пятницы — выходит, почти неделю уже, — Степанида Никифоровна безвылазно сидела в погребе. О смене дня и ночи узнавала через вентиляционную трубу — по свету. Больше суток не слышала она топота у себя над головой. Ей бы подняться в дом — попробовала, убрав жердину, люк приподнять. А ничего не

выходит: что-то неподъемное сверху. «Верно, сундук», — догадалась старушка, в нём она приданое на смерть держала.

Сегодня, в четверг то есть, поспокойнее — затишье между бомбёжками, будто и у войны есть какое-то расписание. Опершись на деревянную стойку, Никифоровна поднялась с лавки и, шаркая по земляному полу, чтобы не дай бог не оступиться, пошла вдоль стеллажей с закрутками на зиму. Банок поубавилось; ми-новав пустые полки, встала возле той, что еще поблескивала стеклом. Взяла поллитровку с тушенкой и вернулась на свой наблюдательный пункт к вентиляционной трубе. Керосиновая лампа тускло освещала стол, накрытый тряпицей, рядом с ним на полу — семь пустых полулитровых банок из-под лечо и помидоров — по одной на каждый день в погребе, да на лавке еще открытая трёхлитровка сливового сока.

Ухватив край крышки открывашкой, Никифоровна потянула её вверх, стекло скрежетнуло, но не осыпалось. Затхлый влажный воздух погреба наполнился ароматом мясных консервов. Сгорнув³ в сторону слой жира, Никифоровна подцепила ложкой мясо и отправила в рот. Жевала долго, перетирая мясные волокна дёснами и несколькими оставшимися зубами, заедала размоченным хлебом. Не прошло и пяти минут, как наверху, рядом с вентиляционным отверстием, звуками обозначилось чьё-то присутствие: будто шкрябал кто-то о край чугунной трубы. Никифоровна поднялась и заглянула в отдушину: обзор кое-какой имелся — труба была проложена по наклонной и выходила возле стены дома. В отверстии увидела кошачью морду. Кошка скребла когтями о край трубы и мяукала, видно, учаяв запах мяса.

— Кыця! — позвала Никифоровна.

Как же счастлива была старушка, что её кошка выжила в этом аду! А та, услышав голос хозяйки, закричала ещё громче и требовательнее.

— Щас, Кыця, подожди!

На погнутой жестяной крышке Никифоровна протянула кошке тушёное мясо с жиром.

³ Сгорнуть — смахнуть, сдвинуть.

Жестянка влезла в трубу. Чтобы доставить ее до кошки, Никифоровна взяла жердь и продвинула вглубь. У нее получилось, и в ответ снаружи донеслось жадное чавканье и благодарное мурлыканье.

Никифоровна, довольная, что смогла накормить любимицу, окинула взглядом погреб. Бревенчатые стойки надёжно поддерживали перекрытие потолка, земляной пол — этакая настоящая крохотная темница. Керосиновая лампа на столе, иконка, банки — пустые, полные... Дожилась, вот и был её... Да не впервые...

2

Осенью 1941-го фашисты рвались к Донецку. Они сбрасывали на село, стоявшее на пути, бомбы, мины, били из артиллерии. Перепуганные насмерть селяне прятались кто где мог: в подвалах домов, в землянках, убегали за край села ховаться в ярах. Шли ожесточённые бои за железнодорожный переезд возле села.

Семья шахтёра Никифора Кацубы пряталась в землянке, вырытой на краю огорода. Она была построена на совесть — с перекрытием из брёвен в два наката, стойками внутри и, казалось, может выдержать любой удар. Окрестная земля ходила ходуном, гудела от взрывов, а внутри землянки порой лишь осыпалась с потолка. Чадила лампа, освещая тесное пространство робким огоньком.

Под защитой этих стен на лавках сидели шестеро: у входа — две старухи, в глубине — двое мужчин и женщина лет тридцати с маленькой девочкой на коленях. Волосы ребёнка были растрёпаны, а лицо испачкано. Девчушка испуганно жалась к матери, а та, прижав к груди, гладила её по кудлатой светловолосой голове и приговаривала, словно молитву: «Всё хорошо, Стешенька. Не бойся. Всё хорошо». От бревенчатых стоек исходил запах свежеокоренного дерева, так что иногда, как велела мама, девочка зажмуривалась и, прикрывая уши ладошками, представляла, что она в лесу ждёт солнечного зайчика. Тот заглядывал в землянку днём через отдушину — кусок чугунной трубы. Но сейчас была ночь, и, понятное дело, солнечный зайчик не появлялся. Зато в свете керосинки

Стеша видела на иконке, стоящей на грубо сколоченном столе, лик святого с окладистой бородой. Он тоже глядел на девочку, и в его добром взгляде были боль, сочувствие...

Той ночью, судя по звукам, взрывы всё ближе подбирались к землянке. И вот наконец бомба легла совсем рядом. Раздались вскрики, чудовищный треск дерева, с потолка повалились большие комья земли, свет в землянке погас. И вдруг резко всё стихло. Людей завалило.

Стеша чувствовала большую тяжесть на ногах и тёплые материны объятия. Девочка позвала маму, громко заплакала, но женщина молчала. Стеша так сильно, как могла, прижалась к ней, и услышала затихающие удары сердца в маминой груди. Поблизости раздался чей-то слабый стон.

Испуганная, не понимающая, что происходит, Стеша сильно-сильно зажмурила глаза и крепче прижалась к маминому бесчувственному телу. Дышать было очень тяжело, воздуха не хватало, невыносимо пахло гарью, дымом, песок попадал в нос... В это мгновение в голове у девочки возник тот самый святой с иконки. Одет он был во всё белое, только лицо у него не серьезное, а ласковое, улыбка на губах. Ослабевшая Стеша уже теряла сознание, и вдруг какая-то сила освободила её из-под тяжести и подхватила на руки.

Девочка стала дышать чаще, хватая свежий воздух ртом. Вокруг неё звучали голоса. Она приоткрыла веки и увидела чёрное ночное небо. И зайчик смотрел на неё сверху, только не солнечный, а лунный...

Той ночью в землянке погибли все родные Стеши. Саму девочку вытащили из-под завала соседи, которые знали, где скрывалась семья. Рассказывали они, как после бомбёжки прибежали к землянке, а оттуда, считай, из-под земли, будто луч света пробивается. Услышали люди плач — стали разбирать завалы, дошли ребёнка. Покликали — есть ли еще кто живой? Никто голоса не подал. Так и остались тела под землей, стала та землянка для них братской могилой. Стешу люди добрые отнесли к тётке Клавдии — родной материиной сестре. А на руинах, когда земля пооблегла, поставили крест.

Выходила тогда Стешу родственница. Согласно плоха она была, в бреду лежала. Добывала где-то тетя Клавдия муку и пшено, чтобы было чем кормить племянницу. А ещё Стеше запомнился горьковато-сладкий вкус шоколада: Клавдия подсовывала дольки его в рот слабенькому ребенку.

Так и стала та жить с тёщей. А поскольку дом Клавдии был разрушен бомбёжкой, поселились они в хате, где раньше жила Стеша с родителями.

В один из дней ранним утром девочку разбудил рокот работающих двигателей. Вскочила она с кровати и кинулась к окну. Поднялась и Клавдия. Едва глянув на улицу, женщина сразу метнулась к печке и, тронув сажу, провела ладонью по лицу, затем схватила грязный засаленный ватник и накинула на себя.

По дороге в легкой дымке тумана ехали мотоциклисты, были они в чёрных кожаных плащах, с маленькими рожками на голове. Очень испугалась Стеша тех рожек: точно такие видела она у хвостатых чудовищ на картинке. Мама объясняла, что на ней изображены рай и ад, а рогатые чудовища обитают под землёй, то есть в аду.

Один мотоцикл въехал к ним во двор.

— Рушиш зольдатен? — громко постучав в дверь, коротко выпалил немец.

На крыльце к нему вышла тётя Клава:

— Ни, пан, нэмайэ русских, — ответила дрогнувшим голосом.

Стеша пряталась за тёщей, исподтишка разглядывая незваного рогатого гостя.

Без приглашения, отодвинув хозяйку, солдат протопал в дом. В комнате скинул плащ и повесил на спинку стула и, положив на стол каску, уселся на стул. Оказалось, что он самый обычный человек. На нём была чёрная форма, на рукаве — шеврон с двумя молниями, на поясе — чёрная кобура. Мужчина закинул ногу на ногу и, кивнув на грязный сапог, приказал тёте Клаве:

— Матка, ком!

Уже на другой день в селе начались расправы. За малейший проступок людей расстреливали, вешали. Всех сельчан сгоняли на такие показательные казни, даже детей. Тётя Клава, вынуж-

денно приводя на расправы Стешу, прикрывала ей глаза, а сама потом подолгу плакала.

Той же первой военной зимой в селе застептились, что немцев отбросили от Москвы, а в селе по-прежнему они стояли.

Как-то утром Стеша долго не вылезала с печи. В шёлку меж белых занавесок она подглядывала, как завтракают постояльцы — четыре немецких солдата; их танк стоял во дворе, а сами они жили в хате. Втягивая носом ароматы, идущие от стола, девочка мечтала, что вот ломоть хлеба, а лучше бы кусочек сала с нежно-розоватыми прожилками упадёт под стол и останется незамеченным.

Немцы, посмеиваясь, разговаривали меж собой, если аккуратно и не спеша. Питание у них было отдельное, за расходом провизии следили строго, и за каждый пропавший кусок хозяйка могла поплатиться жизнью — такое уже случалось. Даже кот Васька пострадал от рук фашистов: был пойман с поличным. Улучив момент, забрался на полку к крынке со сметаной и, сунув морду под тряпичку, жадно зачавкал. «А, рушиш партизанен?!» — в шутку возмутился фашист, заметив эту наглую выходку. Он схватил кота за шкирку и под аплодисменты гогочущих немцев отрезал у него усы. После того случая Васька пропал.

Завтрак кончился. Тётя Клава стала убирать со стола остатки еды. А Стеша только и ждала момента, когда сможет незамеченной прорваться на горище, — там тётка прятала курочки.

Вот все разошлись, но один немец остался. Разомлевший, сытый, он, развалившись на стуле, наблюдал, как тётя прибирает. Когда стол опустел, подозвал тётию Клаву:

— Матка, ком!

— Слухаю, пан, — с готовностью отозвалась она.

— Матка, шпиг, млечо, яйка! — он хитро прищурился, явно затевая что-то.

Тётя опять выставила на стол крынку с молоком и шмат сала с краюхой хлеба, сложила руки на груди в ожидании следующих указаний.

— Матка, яйка! — велел немец.

— Нэмайэ яиц, пан, — и она указала на полку с продуктами.

— Найн, матка, — усмехнулся фашист. — Ко-ко! — и ткнул пальцем на горище.

Наверное, тётя Клава выдала себя чем-то, так как немец, довольный собою, рассмеялся.

— Ай-яй-яй, матка! — в шутку погрозил он пальцем, после чего ткнул им в занавески на печи. — Киндер ко-ко яйки!

Стеша обомлела от страха, спряталась с головой под одеяло. Что будет теперь с ними и Чернышкой? Но наказаний и репрессий не последовало, немец никому не рассказал их секрет, за который они с тётией Клавой могли поплатиться жизнью. Осталась живой и Чернышка.

А потом немцы съехали из их дома, на постой почти сразу ввалились пьяные каратели. Сначала Стеша думала, что это тоже немцы, но от них она услышала привычную украинскую речь. Солдаты хвастались друг перед другом своими «подвигами» — кто сколько убил партизан.

Постояльцы приказали Клавдии принести в дом сена и свалить его возле печи. Они завалились на него, как раз перед топкой, в самое тепло. С гоготом солдаты ловили друг на дружке вшей, забрасывали их на раскалённую докрасна печь и ждали, пока вошь с шипением лопнет. В такие моменты кто-то обязательно выкрикивал на немецкий манер: «Партизанен капут!»

Стеша, забившись в дальний угол на печи, из-за занавески тайком подглядывала за постояльцами. А тётя Клава, вымотанная голодом и работой, придерживаясь за выбеленную стену, мыла им исподнее и форму.

Тётку Стешину убили украинские каратели в 1942 году, летом. Выдала ее соседка Горпина, мать Тараса: рассказала фашистам, что муж Клавы в Красной армии офицером служит — воюет, значит, против Вермахта. Взамен за эти сведения попросила Горпину выдать ей пленных красноармейцев, чтобы те на огороде у неё батрачили.

После смерти тётки Стешу люди добрые забрали, увезли в город. В родное село она вернулась спустя многие годы после окончания

войны, уже совсем взрослой. С Горпиной до самой её смерти Степанида не разговаривала, даже дом стороной обходила. А на Тараса злобу не держала, он ведь и ни при чем. И по-украински Степанида больше не говорила — будто вовсе забыла язык. Запретила себе помнить о той войне, а новая война без спросу пришла к ней в дом.

3

Степанида Никифоровна открыла глаза. С улицы ни звука; с некоторых пор тишина мешала ей спать: что-то было в ней тревожное. Привычнее было засыпать под звуки обстрелов.

Старушка села на лавке, укрытой тряпьем, и свесила ноги. В погребе было темно: керосин кончился, а по вентиляционной трубе свет не проникал: выходит, ночь.

Никифоровна вспомнила, что Кышя вот уже несколько дней не приходила. Забеспокоилась старушка, не случилось ли чего?.. Степанида слезла с лавки, сунула озябшие ноги в задубевшие от холода калоши. Вся одежда Никифоровны отсырела, тёплые носки тоже.

Сколько же дней прячется она в подвале? Счёт потеряла.

Открыла коробок со спичками: осталось их совсем немного. Непослушными пальцами вынула одну, нашупала серную головку и чиркнула ею по коробку. Свет выхватил из темноты уголок, в котором обитала она многие дни. А может, многие недели?.. Кто его знает...

Догорев до старухиных пальцев, огонёк погас и не ожёг их, с запозданием Никифоровна легонько дунула на чёрный огарок. Пока горела спичка, успела оглядеть своё хозяйство. Перед Степанидой — лавка, на ней лежит иконка. Длинная тень от керосиновой лампы краем своим упёрлась в пустые банки. Три рядка по пять банок, четвёртый ряд не полный — в нём три банки, их считать надо отдельно: одна банка на два дня. Запасы еды кончались, пришлось экономить, особенно тушенку — её Степанида берегла для кошки. Вода тоже была на исходе. Компоты с их приторно-сладким вкусом она уже не могла терпеть: жажды они не утоляли, наоборот, мучили сухостью во рту. Из того, что

могло было пить, оставалась литровая баночка яблочного сока и стакан воды.

Никифоровна чувствовала, как всё больше слабеет с каждым днём, как вытягивают из неё жизненные силы холодные влажные стены и тьма, окутавшая со всех сторон.

Каждый раз она ждала, когда с улицы послышится мяуканье Кыци, но всё трудней было пропихивать жердью еду для кошки наверх, всё чаще старушка думала о неотвратимом — о смерти. Размышая об этом, она вздыхала, вспоминая о сундуке, который стоял на луке и не давал выйти. Степанида уже не пыталась сдвинуть его с места — сил совсем не было.

Сидя в темени, сокрушалась: кто омоет её тело после кончины, оденет во всё новое, похоронит?.. Старушка перебирала в уме своё похорбальное «приданое»: платки, наглаженное льняное платье, церковные свечи, лампадка и кусочек ладана. А на самом дне в потайном месте лежал золотой царский червонец, доставшийся ей ещё от бабки.

Прошло сколько-то дней. Кошка всё не шла. Погибла, не иначе. Знать, и её время пришло. В коробке у Степаниды оставалась одна спичка — последняя. Она нашупала на столе керосинку и решила попробовать её зажечь, хотя керосина в ней почти не было. Никифоровна вытянула фитиль, чиркнула спичкой. Повезло: лампа зажглась. Степанида, опервшись на лавку, опустилась на колени перед иконой Николая Угодника и, не сводя глаз со святого лика, начала молиться.

— Отче наш... — шептали иссущенные губы, — иже еси на небеси... — Лампа тускло горела, а Степанида перебирала слова долго, протяжно.

И вот наверху как будто возникло какое-то оживление: кто-то ходил по хате. Старушка прервала молитву, прислушалась. Хруст стекла под подошвами! Но это не рыжего шаги — тот прихрамывает и ступает иначе. А тут осторожная твёрдая поступь, будто кто-то присматривается, прежде чем поставить ногу.

Никифоровна насторожилась. Сердце её забилось чаще от волнения. Но не понятно было, радоваться ей или опасаться, а может, к смерти готовиться?..

Шаги вдруг прекратились, после долгой паузы послышалась человеческая речь.

— Тэрэк, приём, эта Гюрза! — говорили с сильным акцентом, но не с украинским.

Послышался треск и настороженное шипение рации, она ответила на чистом русском языке:

— Слушаю, Гюрза.

— Тэрэк, у мнэ всо чиста. Дэржу сэктар.

— Понял, Гюрза, выдвигаемся.

Никифоровна решила: кто бы это ни был, она должна выйти отсюда. Хотя бы чтобы в последний раз увидеть солнечный свет, вдохнуть свежего воздуха, обогреться лучами солнца. Старушка попыталась встать с лавки, но вдруг осознала, что силы совсем иссякли.

С улицы тоже стали доноситься незнакомые голоса. Никифоровна слышала их совсем рядом, возле самой стены. Выходит, к её дому пришли какие-то люди и громко разговаривают, мешая русские слова с другими — гортанными.

И вдруг — тонкое протяжное мяуканье. «Кыця!» — догадалась Никифоровна.

— Э, Нажа, брат, тут кошка совсем звер! Иди пасматри! Рысь, а не кошка! Труба не отходит, кричит как патэрпэвши! И тут крышки! Многа!..

Снова шипение рации — это уже в доме, над головой Никифоровны.

— Гюрза, правер падвал в доме. Может, погрэб какой ест. Здес кошка, тут труба — вниз, пад дом. Может, завот каво? Как понял? Приём!

— Понял тэбэ, Тэрэк.

С улицы слышны одиночные выстрелы, вот кто-то зычно выкрикнул:

— Аллаху акбар!

Старуха Степанида, стоя на коленях перед иконкой, слабой дрожащей рукой наложила на себя крестное знамение.

— Слава тебе, Николай Угодник, русские пришли! — чуть слышно шептала синюшными губами.

Снова шаги, шум сдвигаемого сундука, бряцанье железного кольца на луке — и столб электрического света спустился в погреб.

— Ест кто живой? — услышала Степанида Никифоровна голос сверху.

БЕЖЕНЦЫ

Рассказ

1

Посреди ночи Олесю разбудил оглушительный грохот с улицы. В единственном окне комнаты брякнули стёкла, но уцелели. «Гроза!» — спросонок подумала Олеся. Здесь, на востоке Украины, слышатся и не такие... Но последовавший огромной силы выбух чуть не скинул Олесю с постели. Стены комнаты как будто напряглись и мелко задрожали, стёкла выдержали и это. Мощная волна, накрывшая спящую улицу Константиновки, распахнула балконную дверь, впустив в комнату холод мартовской ночи.

Вскочив с постели, муж кинулся к двери, закрыл её. Олеся села на постель, поджав под себя ноги.

— Что там? — испуганно спросила она как будто не своим голосом.

Нет, не гроза, Олеся уже поняла, но, как в детстве, накинула на голову одеяло, будто это могло сдержать страх, сдавивший сердце.

Артём чуть отодвинул штору и, шагнув в сторону, прижался спиной к стене. Вытянув шею, он высматривал, что происходит на улице. А там уже полыхало здание.

— Военкомат горит. По-моему, разбомбили, — сказал он и, осмелев, приблизился к окну.

Но вдруг снова отпрянул: ему показалось, большая тень промелькнула мимо него. В эту секунду он почувствовал себя беспомощным перед некой темной силой, которая была совсем рядом.

— Кто разбомбил? — обронила Олеся, всё еще не в силах справиться с шоком.

В вопросе этом смысла не было: слышались звуки выстрелов, и так понятно, чьи войска выбрали целью городской военкомат.

— Дед Пихто! — нагрубил Артём, но сразу осёкся: вспомнил, что у жены порок сердца, лишние волнения противопоказаны.

В ту ночь их прежнего относительного спокойствия, с которым они научились жить за восемь лет, не стало: снаряды, летящие со сто-

роны востока, расчертывали небо, а заодно жизнь на «до» и «после». Что там впереди? Неизвестность.

Артём напряженно наблюдал, как над крышами пятиэтажек, словно в кошмарном сне, восходит кровавое зарево. Совсем недавно ему казалось, что война далеко, люди гибнут, но не здесь, а где-то там... Сначала он узнавал о войне из новостей, приходивших из Донецка, и вот она подступила к маленькой Константиновке, загромыхала канонадой то приближающегося, то отдаляющегося фронта.

Пытаясь собраться с мыслями, Артём глубоко дышал. А в голове возникали вопросы. Что делать? Бежать на запад страны? Или ещё дальше — в Польшу? Ждать, когда город освободят ополченцы? А если его, Артёма, призовут в ВСУ или вынудят вступить в добробаты? Теперь он решил, что пожар в военкомате ему на руку: сгорят все документы. А что будет с Олесей? Как уберечь её? И всё же призрачная надежда на то, что украинские войска по-тихому уйдут из города, ещё теплилась в душе Артёма.

Он взглянул на Олесю, пытаясь не выдать её своего волнения: сейчас надо собраться с мыслями, принять решение. Но липкое чувство страха не отступало, мешало думать спокойно и взвешенно.

Вдруг с запозданием звякала сирена: воздушная тревога. Артём вздрогнул.

Вышла из ступора Олеся:

— Надо забрать Мурчика и бежать в бомбоубежище в подвал!

Она скинула с себя одеяло и в одной сорочке бросилась на поиски кота. Через мгновенье в нерешительности остановилась посреди комнаты, обхватив голову руками.

— Не успеем! Точно не успеем, — озвучил опасения жены Артём. К нему наконец вернулось самообладание. — Пока оденемся, спустимся с пятого этажа...

Сирена стихла. Олеся пыталась вспомнить инструкции — как вести себя в экстренных ситуациях. Об этом часто говорили по радио

и телевидению: твердили, что в случаях артобстрелов нужно бежать в бомбоубежище, рассказывали про тревожный чемоданчик, в который заранее нужно собрать самое необходимое, давали и другие советы, о которых Олеся уже успела забыть. В последнее время она не смотрела телевизор: эфиры были забиты передачами, в которых истерично вещали о зверствах шахтёров-дончан, взявшими в руки оружие, чтобы защитить свой Донбасс. Верить этому Олесе не хотелось, да и не могла она, ведь и сама жила сначала на Донбассе: сначала — в Донецке, потом — здесь, в Константиновке...

Сейчас Олеся стояла посреди комнаты и корила себя за бесполковость. Нет, нужно было запомнить, что советовали по телевизору! А теперь поздно. Тревожный чемоданчик они с Артёмом так и не подготовили. Надеялись, что их город придут освобождать воины из Донецка, а значит, по мирным стрелять они уж точно не будут. «Так ведь и не стреляют! Военкомат — это же военное учреждение, вот по нему и ударили!» — пришедшая на ум догадка немножко успокоила Олесю.

— Вчера в магазине говорили, что дончане и русские мирных не трогают, — стала рассказывать она мужу о том, что слышала в очереди за мукой.

— А теперь что? — Артём кивнул на зарево за окном.

— Так военкомат же... Значит, только по военной инфраструктуре стреляют, — с надеждой предположила жена, понимая, на что намекает её супруг.

— Во время Великой Отечественной войны тоже освобождали страну от фашистов! Сколько городов в руинах стояло!.. — Артём осёкся, виновато посмотрел на Олесю.

На самом деле он вполне допускал, что их город тоже может быть разрушен — вчера на улицах появились украинские танки.

— А что нам делать в таком случае?! — Олесины губы дрогнули, на глаза навернулись слёзы.

Артём подошёл к супруге, крепко обнял её, провел ладонью по русым волосам.

— Всё обойдётся, любимая, вот увидишь.

Сейчас другая война. Не будут же украинские войска прикрываться нами, мирными жителями! Так только фашисты поступали. Мы ведь один народ — русские и украинцы, — говорил Артём, а в голосе его слышалось сомнение.

— Вчера ещё говорили, нацбаты прибыли. Этим море по колено, они и по мирным стрелять будут. Вспомни Мариуполь... — Олеся подняла голову, заглянула в глаза Артёму, будто ища опровержения своим страшным мыслям.

Он прекрасно знал, о чём речь. Не знать об этом было невозможно: новости передавали из уст в уста. Восемь лет в маленьком городке Константиновке было более-менее спокойно, а вчера прямо на школьный двор въехали два танка. Один из них вплотную подобрался к приоткрытыму окну кабинета, в котором Артём вёл урок у первоклашечек, и, будто в насмешку над детьми за стеклом, выпустил сизое облако выхлопных газов. Вчера Артём не стал рассказывать об этом своей Олесе — лишние переживания. И сейчас о том происшествии умолчал.

Сказал вместо этого:

— Воевать они уж точно будут за городом. Это по правилам военных действий. ВСУ не будет бомбить город. А наши и русские бьют только по военным целям. Мы, считай, в самом центре живём. Военкомат сгорел, а других военных объектов поблизости нет.

Будто в подтверждение снова раздался нарастающий звук сирены, сигнализирующей об опасности, резко умолк. На смену ему пришёл вой пожарных машин. Одна за другой они прибывали к военкомату.

В окно Олеся и Артём наблюдали за происходящим в напряженном молчании.

Тем временем из-под дивана вынырнул чёрный кот с белым пятном — «галстуком» — на грудке и стал теряться о ноги хозяев.

Остаток ночи провели без сна.

из Константиновки. В Донецке поженились. А потом началась война. Надеясь переждать опасное время, они перебрались в квартиру мужа, в Константиновку, которая находилась под контролем нацистов.

Теперь обоим было по тридцать пять лет. Жили вдвоём, детей не народили. Артём работал учителем, а Олеся места в Константиновке не находилось — пришлось стать домохозяйкой.

Наутро после тревожной ночи Артём поспешил на работу в школу.

Попозже и Олеся собралась по делам: надо было купить продукты. Она направилась в сторону правобережной Константиновки. Отчего-то считалось, что на правом берегу реки Криевой Торец снабжение лучше и продукты стоят дешевле.

Олеся шла, привычно прикрывая концом шарфа большой шрам на левой щеке. В спину её подгоняли порывы холодного мартовского ветра. Олеся сунула руки в карманы куртки, нахохлилась, как воробей. Отсидеться дома в такую погоду было никак нельзя. О еде нужно позаботиться заранее, ведь неизвестно, что будет с поставками.

Военное положение и страх перед нуждой изменили их с Артёмом. Олеся это чувствовала, хотя пока не умела однозначно сформулировать, что именно с ними произошло. Одно понятно: она не та, какой была до войны, и Артём не такой, как прежде.

Город наводнили военные. Теперь увидеть человека в камуфляже и с автоматом на плече стало обычным делом. Военные были повсюду: на улицах, на почте, в магазинах, в очередях за продуктами, у банкоматов.

А мирный народ стремительно нищал. Всё больше стариков и детей нужда выкидывала на улицы просить подаяние. И сами улицы тоже, казалось, стали другими: грязный ноздреватый снег осевшими кучами лежал вдоль дорог, давно не метёных тротуаров, проглядывал меж голых деревьев с остатками извести на стволах. Кое-где выселились руины домов с пустыми глазницами окон; холодные, заброшенные, они стояли мрачным напоминанием событий четырнадцатого года, когда после переворота

в Киеве в городок ворвались украинские войска...

Вот так перебежками от магазина к магазину и шла Олеся, искала, где еще можно купить муку, крупы, консервы... А ещё найти бы колбасу... Правда, если и завезли её любимую «Зернистую» копченую, например, в магазин «Бащинский», денег на неё не хватит, но вот на варёную «Бутербродную» — вполне.

Жизнь в городе стала другой в последнее время: закрывались службы, предприятия, магазины, детские сады. Иметь работу стало почти что привилегией. Артёму повезло больше других: его школа работала, а значит, ему было к кому спешить по утрам, а ещё на его зарплату можно было свести концы с концами.

А вот самой Олесе с работой не везло. После переезда из Донецка в Константиновку, или Консташку, как называли городок местные, она так и не смогла трудоустроиться. То сидела за кассой в магазине, то работала на почте — разносила пенсии, но подолгу нигде не задерживалась. Да и тяжело ей было с больным сердцем выдерживать рабочий день.

Олеся шла по улицам, вспоминая любимый Донецк. Как соскучилась она по большому городу! Цветущему городу Миллиона роз! Промозглым мартовским днём на улицах Константиновки Олеся мечтала о том, чтобы вернуться туда. Она любила цветы и надеялась, что когда-нибудь у неё будет настоящий сад, где она соберёт все самые любимые сорта роз. Они убежали из прекрасного города Миллиона роз, спасаясь от войны. И теперь она настигла их здесь, в Константиновке. Вся надежда была на то, что русские и дончане смогут быстро взять город, а нацики будут вынуждены отступить. Но если всё пойдет по другому сценарию?.. Об этом Олеся боялась и думать.

Совсем недавно, пока не вышел указ на запрет выезда для мужчин, Артём предлагал вновь бежать. «Не хочешь в Ивано-Франковск? Тогда надо сваливать за кордон, — убеждал он жену. — Здесь ждать нечего! У нас — война, во Львове — бендеръё. Потом, когда всё успокоится, вернёмся». «Куда?» — спросила Олеся. «В Донецк, конечно, или в Консташку — какая разница? Главное, переждать этот ужас», — ответил муж.

А нынче поздно: указ вышел, значит, Артёма из страны не выпустят.

Олеся шла с тележкой по супермаркету, погруженная в свои мысли.

— Куда прёшь?! Зенки раскрой! — на неё в упор смотрела старуха лет семидесяти в ста-ренъком пальто и пуховом платке.

Её чёрные глаза сердито буравили обидчицу. Оказывается, задумавшись, Олеся не заметила старушку и задела её тележку. Буркнув «извините!», Олеся поспешила к кассе — подальше от этого озлобленного взгляда.

С продуктами ситуация в супермаркетах с каждым днём усложнялась — всё сметали, лишь моющие средства по-прежнему стояли на полках в избытке. Да в винном отделе красовались пузатые бутылки с импортными на-клейками. Смотреть можно, а купить нельзя: с начала боевых действий власти запретили про- дажу алкоголя.

Стоя в таких очередях, чего только не услы-шишь, каких небылиц только не расскажут! Русские — кровожадные гоблины, насилию-щие женщин, убивающие детей... Русские уводят людей в рабство, пытают, расстрелива-ют... Ходили слухи, что теперь в ночное время на улицу лучше не выходить, и дело даже не в комендантском часе, к которому давно привыкли. Говорили, в это время в городе хо-зяйничают патрули из теробороны — бывшие бандиты и уголовники, которых освободи-ли под контракт на защиту города. В очере-дях вполголоса делились леденящими душу историями о них: врали или нет — бог весть, но говорили о насилии и мародёрстве. Самые «свидомые» в очередях — их были еди-ницы — в красках воспроизводили новости, почерпнутые из телевизора. Остальные молча стояли в очереди, в споры не вступали, задача была одна — выжить.

Идя по улицам, Олеся сторонилась прохо-жих: то жалась ближе к стенам домов, то поч-ти выходила на проезжую часть — лишь бы не столкнуться нос к носу, не заговорить с кем-то. Общения ей не хотелось. А дома читала ново-сти в городских интернет-сообществах, чтобы быть в курсе, где можно получить гуманитар-ную помощь, купить продукты.

Теперь Олеся проходила мимо хлебной лав-ки. Там было оживлённо, собралась толпа. Оказалось, хлеб уже привезли. Но нет, хлеб ей не нужен: сама пекла его дома, а магазинный к тому же сильно поднялся в цене. Так что стоять со всеми она не стала.

Миновав улицу, Олеся перешла на другую сторону тротуара. В глаза бросались нежилые окна квартир. Ясно, люди бежали кто куда — во Львов или даже в европейские страны.

Её мысли занимало ночное происшествие. Конечно, Олеся понимала, что эти обстрелы будут продолжаться, но слова её мужа о том, что по мирным стрелять не будут, немного успокаивали. В самом деле, не будут же они бомбить мирных граждан!

Из потока раздумий Олесю вырвал крик. Со двора слышалась перепалка, нарастающий многоголосый женский визг и мужская брань. Олеся вспомнила, что там находится неболь-шой магазинчик — частная лавочка, которую открыли в здании бывшего детского сада. Она свернула во двор и сразу увидела хвост очереди. Правда, эта очередь была необычная. Своими очертаниями она напоминала бутылку: чем ближе к двери магазинчика — тем шире. Ока-залось, люди обступили вход широкой массой, а остальные, более дисциплинированные, при-строились за ними хвостом. Ругань летела от самой двери магазина. Толкотня, давка, спо-ры...

Оценивая обстановку, Олеся огляделась. Тут же, у трансформаторной будки, увидела па-ренька, тот безучастно наблюдал за всей этой толчей; он беззаботно лузгал семечки, сплё-вывая шелуху себе под ноги. Такие ребята всег-да находятся, когда буйствует толпа, — наблю-дают со стороны, не вступая в общие дрязги, а потом при удобном случае вклиняются вперед всех и урвут желаемое в числе первых.

— Скажите, а что дают? — спросила Олеся.

— Что? — переспросил парень, вынимая на-ушник из уха.

Она снова задала вопрос.

— А! — теперь понял парень. — Так масло подсолнечное, соль, спички...

Солью и спичками они с Артёмом запас-лись, думала Олеся, а вот масло... Насколько

это было возможно, она приблизилась к толпе у двери, встала на цыпочки, чтобы лучше рассмотреть, что происходит за чужими спинами.

Из людской массы прямо на Олесю вытолкнули какую-то дамочку. Раскрасневшаяся, разгорячённая тётка наскочила на Олесю и тут же по инерции сбила её с ног. Та, споткнувшись о камень, чуть не упала, но парень подхватил её. Олеся поблагодарила его и направилась со двора. Здесь ловить нечего — слишком много желающих.

Дальше прошла мимо опустевшего здания супермаркета «АТБ»: сеть закрылась в городе самой первой. Этим утром Олеся выяснила, что и другая крупная сеть супермаркетов — «ТМ Бащинский», где продавали «Сосиски, сардельки, варені ковбаси, делікатеси, та інше м'ясні снеки», как гласила реклама, — тоже закрыта на улицах Перемоги, Громова и Ломоносова. Оставались «ЭКО маркет» и «Семья». Туда Олеся и устремилась.

Там тоже не повезло: пустые прилавки — брать нечего. Посмотрела на часы: уже три. После введения в феврале комендантского часа магазины в городе работали лишь до трёх-четырёх часов дня. Пришлось Олесе идти в сторону дома: муж вот-вот вернется с работы.

3

Когда жена вошла в квартиру, Артём был дома. Он сидел за столом перед компьютером.

— Ты... вот что... — начал он сразу. — Тебе надо уезжать из города...

Олеся не ответила, будто не услышала его. Сказала лишь:

— Сегодня ничего не успела купить. «Бащинский» закрылся...

— Тебе, говорю, надо сваливать отсюда на запад, во Львов, — строго, с нажимом произнёс Артём и уставился на жену в упор.

Олеся опустила взгляд.

— Мы уже обсуждали это. Я не поеду без тебя, и потом до Львова ракеты долететь тоже могут. — Жена вся сжалась в предчувствии неприятного разговора.

— Ты знаешь, меня не выпустят. Призывной

возраст, — глухо сказал Артём, уставившись в монитор.

Олеся неуверенно подошла к мужу, обняла его за плечи, заглянула в лицо. Только сейчас она заметила, что левый глаз у него заплыл.

— Что случилось? Дай посмотрю, — встревожилась она, моментально позабыв обо всём. Олеся прикоснулась пальцами к его щеке, но супруг увернулся.

— Сейчас аптечку достану, — жена кинулась к тумбе.

— Не надо! — остановил её Артём. — В школе осмотрела наша медсестра. Сказала, жить буду. А это, — он указал на заплывший глаз, — урок «рідної мови», будь она!.. — выругался. — Мне надо учиться правильно выговаривать «паляниця»! Я, видите ли, с акцентом произношу... как москаль!

Артём был в большом напряжении и с трудом сдерживал злость. Наконец, не стерпев, он шарахнулся ладонью по столу так, что Олеся вздрогнула.

— А что я мог сделать?! У него автомат! — на конец стал пояснять Артём.

Он и сам прекрасно знал, что «мог» за последние восемь лет. Мог остаться в Донецке и учить детей под огнём украинских «Градов»... Мог вступить в ополчение и встать на защиту Донбасса... Мог не врать детям на уроках о «народном герое Степане Бандере» уже здесь, в Константиновке. В конце концов, он мог врезать по пьяной лоснящейся роже этого выродка-нациста с волчьим крюком — эсэсовским шевроном на рукаве. Но стоит единожды «не смочь» — пойти вразрез с совестью или предать убеждения — и становится проще не замечать мерзости. Как говорится, моя хата с краю... Когда-то Артём выбрал молчание — стал ждать, когда всё решится без него и за него. Как же, ведь он должен заботиться о большой супруге! И ему даже становилось легче от этой мысли, оправдывающей бездействие. Ещё бы, ведь он не один такой — безмолвный и нашедший себе оправдание.

В глаз Артём получил прикладом. Это случилось утром у школы, на виду у всех. И он опять смолчал, но та безропотная собственная покорность, с которой он принял оскорбление, вдруг

всё перевернула в его душе. Артём чувствовал себя так, словно его раздели догола, вывернули наизнанку исподнее, выставили на всеобщее посмешище, и теперь он смог увидеть своё истинное позорное отражение. Он злился не на нациста. Причина в другом: он был противен самому себе.

— Поясни! Что случилось? Кто тебе такое сказал? — выговорила Олеся с волнением.

Таким мужа она ещё не видела. Тот был как будто наэлектризован, готовый взорваться и, словно вулкан, сжечь, испепелить всё вокруг.

— Я не говорил тебе, — признался он. — Не хотел волновать. К нам во двор школы два танка поставили. Один — прямо под окна кабинета. Нацник подходил к окну, он услышал мой акцент... Окно было открыто. Я как раз вёл урок и попросил его отогнать машину... А сегодня — ещё вот это... — показал на лицо. — Прости! Тебе и правда надо уехать. Дальше будет только хуже. Я приеду к тебе, как только устроишься. Уезжай отсюда, прошу: в Польшу, в Италию, во Францию... Хочешь во Францию?

Олеся молчала. По её щекам текли слёзы. Самое худшее, что только она могла себе представить, теперь проявлялось контурами теней в её сознании, прорисовывалось, оживало сумрачной палитрой красок, словно под кистью художника рождались неприятные жутковатые подробности.

Олеся понимала, что муж прав и надо покинуть страну. Перед этой безысходностью ей хотелось кричать, но недоставало сил. Она как будто оцепенела в немом крике, который разрывал её изнутри.

— Что с тобой?! Тебе плохо? Ты вся бледная, — голос Артёма вывел Олесю из странного состояния.

Муж обнял её за плечи, с тревогой всматриваясь в лицо.

— Всё нормально, — заплаканная Олеся натянуто улыбнулась. — Я не знаю, куда лучше ехать. И потом потребуются деньги... Говорят, хотя бы триста евро... Где взять столько?..

— Найдём, — сказал муж, уверенно добавил: — Это моя забота.

Раньше, когда они с женой обсуждали эмиграцию, Артём наверняка знал, что Олеся

откажется ехать без него. Он не напирал, не настаивал, как делал это в других важных для семьи вопросах. В такие моменты её отказ был для Артёма что-то вроде индульгенции его малодушия и неуверенности. Но время шло. Всё труднее было оставаться в стороне от войны, не замечая очевидного: это касается каждого. Артём уже понимал, что уличные бои будут, а значит, жизнь любого горожанина может оборваться в момент. Всё ближе линия фронта, в один из дней ему придётся решить, на чьей он стороне. Конечно, можно пересидеть в подвалах, переждать обстрелы, перетерпеть страх. Но останутся вопросы. За что страдать? На чей берег вынесет? Смолкнет ли для его ушей русская речь? Или на смену придет не менее родная украинская — та, которую впитал на родной земле? Как так случилось, по чьему дьявольскому умыслу некогда единый народ, победивший фашизм, теперь разделён?

Раньше эти вопросы не вставали настолько остро для Артёма. Сегодняшний урок «рідної мови» расставил для него всё на свои места. Этим утром Артём решил: он отправит жену за рубеж, а сам при удобном случае перекинется к ополченцам. Он вырос в этих местах и сможет незамеченным пройти кордоны нацистов. Но сейчас жене об этом знать не нужно.

4

Несколько недель они готовились к отъезду Олеси: добывали деньги, запас медикаментов, прорабатывали маршрут. С валютой было сложнее всего. Пришлось просить в долг у знакомых, продать обручальные кольца, сколько-то при случае передали родственники Артёма.

Сначала Олеся хотела поехать в Польшу: и ближе, и язык схож с украинским. Но, тщательно обдумав, супруги решили остановиться на Италии: вычитали в соцсетях, что там проще найти работу.

В этой суете перед отъездом Олесе было легче переживать военные события. Конец страха был виден — пусть он далеко, в счастливой Италии. Там не будет обстрелов, сирен. И поедет она не с тревожным чемоданчиком, а с

обычной сумкой для путешествий, как случалось в мирное время.

Обстановка в Константиновке изменилась. Теперь на улицах можно было встретить людей в камуфляже, которые говорили на английском, польском языке — в город прибыли наёмники. Украинские части и залётные «солдаты удачи» занимали больницы, школы, даже роддом — самые безопасные места, которые не могли стать целью для объединенных сил противника. Во дворах жилых домов, порой прямо на детских площадках, они устанавливали тяжёлую технику — танки, РСЗО⁴, артиллерию.

В начале апреля Олеся была готова покинуть город. Оставалось лишь выбрать удобный момент.

5

В один из дней жена пришла домой с покупками.

— Вот! Яйца добыла! — довольная Олеся вынула из пакета пластиковую упаковку. — Давно на них не попадала. На обед глазунья будет. Ещё счёт пополнила на мобильнике — нашла банкомат работающий. Представляешь, совсем озверели: двадцать гривен за комиссию взяли!

Артём очень изменился за последние дни: осунулся, замкнулся в себе. Сейчас он сидел на кухне за столом, перед ним стояла кружка с чаем. Он даже не взглянул на Олесю, когда она появилась в дверном проёме. А та щебетала, не замечая угнетённого состояния мужа:

— Это сегодня в соцсетях объявление дали, мол, переселенцам положена гуманитарная помощь. Сказали, всем прийти, у кого статус есть. Вот я и поучаствовала!.. Жаль, что ты не смог со мной очередь отстоять — был бы второй десяток...

— Да, переселенцы... — глухо ответил Артём.
— Ты знаешь, я стал сомневаться...

Олеся вопросительно уставилась на него. Муж продолжал:

— Я думаю, правильно ли мы решили с отъездом... Кому нужны мы здесь, в Константиновке? Да никому. А там, за границей? По сути

дела, тоже никому. Получается, мы бежим от самих себя... от своих страхов... Понимаешь?

Олеся, уже смирившаяся с мыслью об отъезде и даже радовавшаяся такой перспективе, растерянно кивнула. Италия стала для неё надеждой, которой она жила уже не одну неделю, и всё отходило для неё теперь на второй план — и сомневающийся супруг, и дом, и город...

— Понимаю! — сказала она. — Ты расстроился, что я собралась ехать одна, да? Но ведь ты же сам настаивал... Помнишь? Я ведь не хотела... Теперь я думаю, это было правильное решение. Ты мужчина, у тебя даже работа... А я? Что мне здесь ловить? И я не виновата, что мужчин не выпускают...

— Дура! — с горечью выкрикнул Артём, вставая из-за стола.

В прихожей он схватил с вешалки куртку и выскочил из квартиры, на ходу пытаясь попасть в рукава.

Услышав хлопок входной двери, Олеся устало опустилась на стул, закрыла лицо руками и заплакала.

6

Через час жена услышала звук открывающейся двери. Встречать не вышла: в это время собирала сумки.

Муж заглянул в комнату:

— Может, останешься ещё хоть на денёк? — попросил он, садясь возле неё на диван.

Олеся отрешённо задержала взгляд на своём отражении в зеркале на стене. Потом вдруг спохватилась, обернулась к мужу:

— Нет, — отвечала убеждённо. — Понимаешь, я должна ехать, пока есть возможность, — и тут же переменила тему: — Знаешь, я примерилась к объёму вещей... Решила зимнюю одежду пока не брать — не влезет. А там видно будет.

— Пожалуйста, задержись на денек, — Артём говорил так мягко, как мог. — Электрички ежедневно ходят. Я слышал, завтра ещё целых два дополнительных состава пускают. Может, завтра уедешь, а?

Ему не хотелось верить, что совсем скоро она будет очень далеко. Когда потом придётся

⁴ РСЗО — реактивная система залпового огня.

свидеться — этого никто не знает. И придётся ли?..

Олеся покачала головой:

— Нет, Артём. Поеду сегодня. Извини. У меня сердце не на месте. Всё кажется, случится что-то. Надо ехать сегодня... сейчас.

Олеся постояла без дела, о чём-то размышляя, затем добавила, тщательно подбирая каждое слово, будто неловко об этом говорить:

— А ты... может, сегодня в подвале заночуешь?

Артём безразлично пожал плечами, исподлобья глянул на жену.

— Зачем? Сыро там и холодно. Простудиться не хочу. В школе больничный мне точно не оплатят. И Мурчик подвалов боится. Сбежит. Где потом искать его?

Олеся присела на диван рядом с мужем, обняла его, положила голову на плечо.

— Ты прости меня. Я обязательно вытащу тебя. А Мурчик... Мурчик пусть в квартире остаётся, у них, говорят, девять жизней.

Артём не ответил.

Обед прошёл в полной тишине. Собранные сумки ждали в прихожей.

После обеда Олеся пошла на вокзал, чтобы сесть на электричку до Краматорска.

7

Вокзал Краматорска — гудящий растревоженный улей. Олеся никогда не видела столько людей в одном месте. Небольшое здание вокзала было переполнено: скопления людей, горы чемоданов и сумок — еле проберёшься мимо них.

Спёртый воздух, запах пота, влажность от людского дыхания... Находиться здесь было тяжело, оттого люди то и дело стремились к выходу на привокзальную площадь. Но и там столпотворение — помещение вокзала не вмещало и десятой доли беженцев. На площади потоки людей с улиц, прилегающих к вокзалу, сходились воедино. Плач, смех, брань, окрики — всё смешалось в этом море волнения. Стояли семьями и поодиночке, кто-то встречал знакомых или, протискиваясь в толпе, громко звал близких, что должны были приехать

к обозначенному времени. Тут и там сновали жуликоватого вида юркие парни с бегающими глазками. Старики, не в силах стоять в этой живой клокочущей массе, сидели прямо на земле, подложив под себя нехитрый скарб: благо, снег уже стаял и земля успела вобрать тепло первых апрельских деньков. Те, кто недавно прибыл, проходили чуть в сторонку, располагались возле своих сумок и тут же перекусывали на ногах.

И в этой толчее различимы обрывки фраз, разговоры — где и что бомбят, когда подадут дополнительные составы и вообще поедут ли они? Казалось, сам воздух пропитан тревожным ожиданием. Прибывающие электрички прибавляли в эту толчею новых переселенцев, и опять море чемоданов, сумок, рюкзаков, окрики, детский плач... На место одних семей приходили другие, раскладывали тряпицы с едой поверх рюкзаков, сумок, чемоданов — и вновь по кругу.

Олеся жалась ближе к перрону: понимала, что, когда подадут состав, идущий до Львова, можно не успеть попасть в вагон. А оставаться в незнакомом городе на новёхку страшно.

Мимо сновали оголтелые люди: растерянные, встревоженные, испуганные, злые.

Олеся повезло: её электричка из Константиновки прибыла в Краматорск точно по расписанию. А уже после четырёх часов дня, как обещали, должны были подать эвакуационный поезд на Львов из двадцати одного вагона для беженцев.

С сумками Олеся продвигалась по направлению к железнодорожным путям сквозь плотную толчью.

— Ох! — раздалось почти над ухом: поток прохожих вытолкнул прямо на Олесю женщины лет шестидесяти.

Она покачнулась и, чтобы удержаться на ногах, оперлась на Олесино плечо.

— Выбач, девонька, — устало выдохнула женщина. — Я тильки постбою трошки и пиду звітсі.

Мучимая одышкой, она толком даже не взглянула на Олесю. Переломив поясницу, согнулась пополам, свободной рукой ослабляя узел платка на шее. Была она в старомодном

потасканном жакете с большим воротником, тёмной до пят юбке.

— Может, вам помочь? — неожиданно для самой себя предложила Олеся.

Она не любила заводить знакомства, потому что долго присматривалась, привыкала к людям. И в компаниях всегда держалась особняком, а что уж говорить про мимолётные встречи на улицах? И всё же сама ситуация располагала к тому, чтобы заговорить.

Но незнакомка отмахнулась, подняв глаза на Олесю:

— Та ни.

Лицо у неё было светлое, гладкое, даже как будто ухоженное и интеллигентное, глаза ясные, пытливые, внимательные, будто зрила она в самую душу. И на удивление несуразным показалось Олесе её бабье одеяние: этот жакет, какие носят деревенские клуши, бесформенная юбка, как на богомолках, да ещё и платок с бахромой...

— У меня и лекарства с собой есть, — Олеся полезла в карман сумки. — Надо?

— А вид голоду таблетка е? — женщина виновато улыбнулась. — Мы тут з плэмэнником вже дрӯгу добӯ стоимо. Люды кажутъ: тут десь польбва кухня праціоэ, ось я и пишла шукаты йи. Кухня то варто, та тільки не працюэ вона. А мене вже ноги не тримають.

— Ой, что ж вы! — если у Олеси и возникли какие-то подозрения по поводу женщины и её одежды, то при виде страдающего от голода человека они вмиг улетучились. — У меня и еда есть. Что могла — всё в дорогу взяла. — Олеся пошарила рукой в сумке и достала банку консервов.

— Так не зруочно, дывчина, — ответила женщина, но цепкий взгляд, устремлённый на шпроты, говорил об обратном.

Олеся заметила это, сказала:

— Давайте в сторонку отойдем.

Женщина, опираясь на Олесю, последовала за ней в закуток у лестницы.

Олеся поставила сумки на перрон, потянула кольцо на банке и открыла её. Затем, поставив банку на широкие перила, достала из сумки несколько кусков хлеба.

— Ешьте! — приказала Олеся женщине.

— Ти ж моэ сердечко! — на глазах у той навернулись слёзы.

Она взяла хлеб и замешкалась: вилки не было. Смущенно посмотрев на Олесю, женщина тонкими пальцами выудила из масла рыбинку и аккуратно положила на хлеб.

Олеся с жалостью смотрела на неё, пока та ела, затем подсунула ей еще кусок. Отчего-то Олеся так прониклась этой страдалицей и самой ситуацией, когда смогла накормить голодного, что разоткровенничалась с незнакомкой. Выложила, как очутилась здесь, на вокзале, куда собралась ехать. Когда она упомянула Италию, женщина перестала жевать и, подняв взгляд на Олесю, окинула её оценивающим взглядом.

— Значыть, ти йидэш сама? — спросила она.

Олеся кивнула и чуть напряглась от того взгляда, как будто заподозрила, что сказала лишнего.

— Ось цей збит!¹⁵ Пойыдыш из намы в Италию. У Львови маю де зупыніться. Стій тут, я зараз повернуся, ось тильки племиннику виднесу пойысти. — Она снова виновато улыбнулась, кивнув на банку со шпротами. — Ой, выбач, — спохватилась, — я навіть не представилася! Кличь мене Фэдоровна! — женщина широко улыбнулась, сверкнув золотыми коронками, и звонко рассмеялась. — Ой! Зачекай, буди ласка.

Женщина вдруг резво рванула в самую толпу, оставив Олесю со всеми сумками.

Та стояла минут пять одна, озираясь по сторонам. Что-то настораживало Олесю, но сейчас было не время для размышлений. Действительно, что плохого может сделать ей эта милая женщина?

Фэдоровна вернулась, а рядом семенил худой, высокий парень лет двадцати пяти. Одет просто: джинсы, серенькая куртка с затёртой эмблемой «Adidas». Парень был угрюм, держался чуть поодаль от Фэдоровны, всё крутил головой по сторонам, часто моргая маленьками, широко посаженными глазами. Фэдоровна сказала, что это её племянник Микола. Олеся про себя отметила, что парень явно призвано-

¹⁵ Вот это совпадение!

го возраста. «Интересно, как собирается выехать из страны?» — подумала она.

Все трое так и стояли возле своих сумок в стороне от больших масс людей. Изголодавшийся парень ел шпроты с хлебом, а женщины разговаривали. Олеся узнала, что Фэдоровна — баптистка. Теперь ей стало понятно несуразное для городской жизни одеяние женщины. В других обстоятельствах Олеся, может, и бежала бы от сектантки подальше, потому что считала себя атеисткой. Но теперь, в военное время, она была рада и тому, что у нее появилась такая участливая попутчица.

К тому времени, когда объявили посадку на двести шестьдесят пятый поезд, следующий до Львова, Олеся и Фэдоровна познакомились поближе. На правах старшей Фэдоровна принялась опекать Олесю: то шарф поправит, то курточку одёрнет — не холодно ли? не дует ли в поясницу? Теперь Фэдоровна иначе как «моё сердечко» Олесю не называла. А та была расстрогана таким вниманием: после смерти мамы к Олесе никто не относился с таким теплым участием.

Фэдоровна рассказала, что мужчинам-баптистам любого возраста разрешено выезжать, поэтому Мицколя тоже едет в Италию. Пока парень ел, тётушка заливалась о политике, о войне и беженцах, о двоюродной сестре, счастливо живущей в Италии. А вот о себе не откровенничала. Фэдоровна говорила на украинском языке, Олеся — на русском, и обе прекрасно понимали друг друга.

Из репродукторов прозвучало объявление о прибытии поезда. Лупатая голова локомотива уже была видна с перрона. И вот синие вагоны с жёлтой полосой по бортам медленно катят к месту посадки. Под ними протяжно заскрипели тормозные диски, останавливая вращение колёсной пары, наконец, качнувшись, поезд замер.

И сразу забурлила толпа на перроне, зашумела, стала вплотную подступать к вагонам, скапливаясь у входов внутрь.

— Мицколя, не видхоль, будь поруч! — строго скомандовала Фэдоровна.

Племянник жался поближе к тетке, как цыпленок к наседке. И Олеся, сама того не осозна-

вая, старалась держаться рядом с Фэдоровной.

Вот через толпу протиснулся какой-то детина с большим рюкзаком на спине. Он ловко раздвигал локтями оголтелый люд. Вслед ему неслись ругательства, тычки, кто-то даже успел лягнуть нахала. А тот, не обращая внимания, прорвался к двери вагона как раз в тот момент, когда у входа появился проводник.

Тот, тряся бульдожьими щеками, кричал, чтобы все успокоились, соблюдали очередь и готовили документы. Но детина оттеснил его и заскочил в вагон. Народ гомонил, напирал, сильные и вёрткие оттесняли слабых. Так Олеся, Фэдоровна, а с ними и Мицколя оказались в конце очереди.

— Настя! — за спиной проводника показалась широкая морда детины.

И вдруг какая-то девица вынырнула сбоку, схватилась за протянутую ей руку, и парень мигом втащил её в вагон.

Проводник что-то кричал, но ему было не до тех нахалов — толпа начала напирать.

У Олеси в давке закружилась голова, она потеряла новых знакомых из виду, но из очереди не вышла — потом не пустят. Минут через десять Олеся оказалась лицом к лицу с проводником. Протянула ему паспорт, билет. И вот, уже поднявшись в плацкартный вагон, обернулась и заметила в толпе Фэдоровну с племянником. Олеся окликнула их и махнула рукой. Надеясь, что им удастся пробиться в вагон, пошла искать для всех места.

Удалось найти свободную полку. Олеся заняла её и широко поставила сумки, чтобы было видно: занято. Но в отсек то и дело заглядывали люди, кто-то пытался подвинуть сумки и устроиться рядом с Олесей. Та препиралась, выпроваживала нежеланных соседей. Одна толстая баба оказалась наглее: без разговоров она скинула сумку Олеси и поставила свои вещи на то место. И тут быть бы скандалу, но в проходе показалась Фэдоровна с Мицколя.

— Нам сюды! — скомандовала она племяннику и скинула баул незнакомой бабы.

Затем подхватила его и шустро вынесла подальше.

Громко ругаясь, баба побежала спасать свой скарб — рядом с Олесей освободилось место.

Фэдоровна сначала усадила племянника, рядом устроилась сама — всё, полка занята.

— Ловко вы! — восхитилась Олеся, радуясь, что нашлись знакомые.

— Шо, мы на рынке не торгувалы, мэ сердечко? — Фэдоровна подмигнула Олесе. — Хух! — тяжело выдохнула она и стянула с головы платок, обнажив чёрную с проседью копну волос.

В вагоне было шумно: шарканье, гомон, щелчки стопорных замков, пересуды. Наконец движение упорядочилось, пассажиры худобедно устроились. Казалось, состав вот-вот тронется.

Но нет. Вдруг к поезду нагрянула полиция, в каждом вагоне объявили, что в связи с опасностью артналётов железнодорожная ветка закрыта и поезд никуда не поедет. Людям пришлось выйти, но никто не расходился — так и толпились каждый у своего вагона. И вдруг через сорок минут снова объявление о посадке... Пассажиры устремились в вагон, теперь уже вели себя спокойнее, потому что каждый держал в голове то место, которое занял прежде.

Ещё через полчаса состав с беженцами тронулся.

8

Город Львов встретил прибывших тёплым дыханием весны, яркими огнями привокзальной площади, неоновыми вывесками магазинов. Здесь был мир — без канонады, нескончаемой тревоги. Военных на улицах почти не видно.

Поезд прибыл с большим опозданием, но Фэдоровну и её племянника уже поджидала машина. Без лишних разговоров молчаливый водитель — это был паренёк в джинсовой куртке — загрузил вещи в багажник «Мерседеса». Прежде чем уложить туда же и Олесины сумки, водитель вопросительно взглянул на Фэдоровну. Та кивнула в ответ. Он ещё раз с каким-то особым вниманием оглядел Олесю, задержал взгляд на её лице и лишь затем поставил её сумки в багажник.

Ехали молча. Мыкола сидел рядом с водите-

лем, а Фэдоровна и Олеся — на задних сиденьях престижного авто.

Усталая и разбитая Олеся удивлялась сама себе. И как она смогла вынести всё то, что случилось на вокзале Краматорска? И это с её-то больным сердцем! Олесю стало укачивать, и Фэдоровна сунула ей какую-то таблетку. Та послушно положила лекарство в рот.

Затем, прислонившись головой к дорогой кожаной обивке, Олеся, уже сонная, смотрела в окно. Мимо проплывали величественные и таинственные силуэты стрельчатых соборов. Умиротворённая красота! Будто и не было бомбёжек, обстрелов, давки, душной толпы, трясущегося поезда. Может, это был лишь кошмарный сон?

Совсем недавно Олеся простилась с мужем, со своим домом. Как там Артём? Олеся вспомнила, что в суете так и не набрала его номер. Она достала мобильник. На экране высветилось аж десять пропущенных звонков. Как же не услышала?! Ах да, ведь Фэдоровна в поезде попросила выключить звук, чтобы хоть немногого подремать.

Олеся хотела набрать номер мужа, но на плечо ей опустилась рука попутчицы.

— Скоро прийдемо, мэ сердечко, — ласково проворковала она. — Подзвониш пóтим, ще не дўбго залышылося.

И Олеся мысленно согласилась: действительно, разговаривать в машине неудобно.

Фэдоровна оказалась права: через пару минут машина остановилась. В глубине сада, за оградой виднелся дом. Олесе он показался сказочным замком. Чугунные ворота с изумительной тонкой ковкой медленно отворились, впуская машину на территорию.

«Мерседес» остановился перед главным входом с мраморной лестницей, колоннами и львами по краям. Паренёк-водитель занёс вещи в вестибюль.

Вся обстановка говорила о несметных богатствах хозяев дома. Олеся только успевала крутить головой: раньше ей не приходилось бывать в таких роскошных особняках. На стенах — картины, гобелены, зеркала в станичных оправах, а ещё хрустальная люстра, лестница, похожая на те, что бывают в театрах... Перего-

вариваться было неловко, потому Олесе ничего не оставалось, как следовать за Фэдоровной и Миколой.

Вот они оказались в просторной комнате с колоннами и пухлыми ангелочками под потолком. Посреди комнаты за внушительных размеров столом сидели люди и ели. Они даже не посмотрели в сторону прибывших.

— Це наша паства, — шепнула Фэдоровна Олесе, добавила: — Нам пощастило: мы останови, на кого чекалы перед видправкою. Сидай вечеряты. Завтра з самого ранку йидемо на кордон и дали до Италий.

Вся обстановка показалась Олесе ирреальной. Каким-то ненастоящим выглядел и этот богатый дворец, и хмурые, бедно одетые, изможденные люди. Ну что у них может быть общего? Нищета и невообразимая роскошь.

Олеся присела за край стола, застеленного белой кружевной скатертью. Перед ней оказалась одноразовая тарелка с отварным картофелем и сельдью, стаканчик с компотом. Олеся подцепила вилкой кусок картошки и сунула в рот, отхлебнула компоту. Есть особенно не хотелось, а вот усталость придавила так, что Олеся была готова лечь на руки прямо на этот стол.

Она погрузилась в странное состояние: будто тело её, погружённое в взвесь, медленно проваливается всё глубже и глубже, — туда, где уже не властен солнечный свет, а звуки размыты в многоголосое эхо.

— Устала она, дорога была — закачаешься! — почему-то на русском говорила Фэдоровна столпившейся вокруг них пастве.

— Надо уложить её спать. Завтра тоже трудный день предстоит, — послышался мужской голос.

Сонную Олесю подхватили под руки и повели на ночлег...

Она очнулась утром: грубо трясли за плечо. С трудом разомкнув тяжёлые веки, Олеся сразу не поняла, где находится. Осмотрелась: она в одежде лежала на кровати в маленькой комнате, освещенной приглушенным светом. А раз-

будил её тот самый водитель, который привёз с вокзала Львова в особняк.

— Пора вставать, — сказал он, — автобус уже ждёт. Выезжаем через двадцать минут.

— Почему так быстро? — Олеся чувствовала, что силы в полной мере ещё не вернулись к ней, а во рту пересохло.

Она приподнялась на предплечье и заметила на тумбе рядом с кроватью стаканчик с компотом, сделала пару глотков.

— Нужно успеть к границе вовремя, — ответил парень. — Для нас на границе окно отдельное. Вам бояться нечего, а вот мужчинам...

— Можно я хоть душ приму?

— Можно, — согласился водитель, — только быстро. Минут десять, не больше. Душ, туалет там, — он указал на двери, а сам направился на выход, — на пороге обернулся: — Не опаздывайте, пожалуйста.

После вчерашней роскоши залов ванная показалась Олесе весьма скромной, хотя всё необходимо в ней было. Она быстро скинула одежду, зашла под душ. Пара минут под тугими струями горячей воды — и Олеся почувствовала себя гораздо лучше. Подсушив волосы феном, оделась и вышла из комнаты.

В холле её уже ждали. Олеся узнала нескользких людей, что накануне ужинали с ней за одним столом. Словно высохший стебель подсолнуха с поникшей головой, высился среди прочих угрюмый Микола.

Направились на темную ещё улицу. Последней во двор вышла Фэдоровна, следом за ней хвостиком — Микола. Олеся старалась держаться поближе к ним.

— Зараз пойдэмо! — вполголоса сообщила Фэдоровна и заботливо поправила шарф на плечах Олеси так, чтобы он прикрывал шрам на щеке, затем придирчиво осмотрела её и удовлетворенно кивнула: — Так краще!

Пока Фэдоровна зевала, кутаясь в платок, Олеся огляделась и догадалась, что всех беженцев, то есть паству, размещали в комнатах в левом крыле особняка. Теперь же люди стояли на заднем дворе — рядом с флигелем и другими постройками.

Откуда-то слева вынырнул водитель. Прогорев по счету, все ли на месте, он скомандо-

вал идти за ним. Группа последовала на другую сторону сада. Там ждал автобус. В салоне хватило места каждому пассажиру.

— Ты садись ближе к водителю, а то тебя укачало вчера сильно, — советовала Фэдоровна на чистейшем русском языке. — Да смотри в окошко, это успокаивает.

Олеся опять обратила внимание на перемену в речи новой знакомой. Но думать об этом не было никаких сил: голова тяжелая. Да и что тут странного, если она владеет и украинским, и русским?..

В автобусе на каждом кресле лежал пластиковый контейнер с едой и бутылка минеральной воды.

— Сервис! — усмехнулась Фэдоровна.

Она ещё раз широко зевнула, блеснув кронками. Завтракать не стала, а вместо этого сунула Олесе свой контейнер:

— На вот. Я всё равно в такую рань не ем, а тебе нужно...

Зачем это было «нужно» Олесе, Фэдоровна недоговорила. И сама Олеся не поняла. А попутчица положила голову к ней на плечо и уснула. Слишком быстро уснула...

Есть Олесе не хотелось, но из любопытства заглянула в контейнер: омлет, сосиска, горошина кетчупа. Закрыв крышкой еду, она распечатала бутылку воды, сделала несколько глотков.

Автобус чуть качнулся и тронулся. И вот мимо Олеси поплыли знакомые по вчерашнему дню сказочные замки. Сидя в удобном кресле, она слушала убаюкивающий шелест шин, а может, это едва уловимый звук свирели?.. Олесю опять укачивало, и слабость подступала, смешивая видения и реальность. Автобус уходил то влево, то вправо, то забирал вверх, то скатывался вниз. Опять лёгкое головокружение.

Светало. В автобусе царила дрёма — пассажиры спали. Тишину нарушили негромкие голоса: ближе к водительскому месту, чуть в сторонке от спящих, перешептывались двое.

— ...Долго мне ещё в баптистках ходить? — спросила Фэдоровна на русском.

— Это последняя ходка в этом месяце, — ответил уже знакомый Олесе мужской голос.

— Что, баптисты уже не нужны? Нет заказов? — женщина усмехнулась.

— Не до заказов. Сегодня наши будут бить буками по сепарам. Вокзал Краматорска накроют. Если бы не твой трансфер, накрыли бы вчера: поезд с мирными для этого нарочно держали. Ну, сама была там, в курсе. Отложили налёт на день. Можно сказать, повезло тебе. Я договорился.

— Не заливай, а! — огрызнулась Фэдоровна.

— Договорился он! Не попалась бы мне эта сёпарка, лежала бы я со всеми, — кривляясь, добавила: — «Гхэроям слава!»

— Ладно, не заводись, — примирительно сказал мужской голос.

— На кого спишем Краматорск? — остыл, едко поинтересовалась Фэдоровна. — Да можешь не говорить. На русью, конечно! Ладно, людей разбудим...

Почти сразу автобус остановился. Олеся проснулась. Соседнее кресло пустовало, и в проходе Фэдоровны не видать. Голова была тяжёлая после сна, в глазах плыло.

По салону автобуса прохаживались люди в военной форме. Они вглядывались в лица, придирчиво изучали протянутые им документы. «Пограничники, — догадалась Олеся. — Проверка документов». Она тоже подготовила паспорт.

Состояние вот уже второй день у неё было странное: вроде и не больна, а голова идёт кругом, сонливость такая, что спать бы сутками, и непрекращающаяся сухость во рту. Олеся открытила крышечку с бутылки, сделала несколько больших глотков минералки.

Откуда ни возьмись на соседнем месте появилась Фэдоровна. Она начала разговаривать с пограничником, который взял в руки Олесин документ.

— Продуло, видно, девоньку в поезде да на вокзале... Да растряслось, дорога тяжёлая...

Пограничник что-то спросил ещё, Фэдоровна ответила, и он вернул Олесе паспорт, а та уже проваливалась в сон, больше похожий на забытье.

Мужской голос распорядился: «Эту — во Францию, в Марсель». Олесю пересадили в машину и повезли. Иногда в пути она как будто приходила в себя, в такие минуты замечая длинное выглаженное полотно дороги, аккуратные кирпичные домики за окном машины. Говорить не могла, а слабость была такая, что Олеся снова проваливалась в сон. И во сне ей виделись те же дома с витражными окнами, кустики цветущего вереска в горшках на подоконниках, пышные глицинии и бугенвиллии, яркие пятна цветков гибискуса, олеандра... Где она всё это видела? Это сон или явь?

Сознание стало возвращаться к Олесе спустя несколько часов. Открыла глаза: над ней был белый потолок. Где она? Незнакомый мужчина в белом халате и очках внимательно всматривался в бумажную ленту, испещренную нервными зигзагами. Говорить Олеся не могла, ей казалось, что у мужчины нет ног — он парит над нею.

И снова издалека голос Фэдоровны:

— ...Откуда мне было знать, что у неё сердце больное? Молодая девка. Был заказ. Я доставила!

Отвечал доктор по-русски:

— Смазливая. На панель можно было приступить, а теперь куда? Кому она больная нужна? Как теперь избавляться? Тише. Кажется, приходит в себя. — Мужчина пристально вглядывался в Олесино лицо. — Ещё один кубик введите, — скомандовал кому-то.

Приказ был исполнен. Дурман опять накрыл Олесю, она стала задыхаться. Ей казалось, её засасывает, поглощает тяжелая, вязкая темнота. Воздуха не хватало, сердце работало на пределе. И вдруг вспышка света. Какие-то звуки стали вторгаться в сознание Олеси: незнакомое дребезжание, не похожее ни на что. Над ней свет, а значит, спасение есть.

11

Сумеречно. На улице холодно.

Тело Олеси дёрнулось, она вскрикнула во сне и проснулась. Олеся лежала на скамье. Влажный воздух, запах, какой бывает возле

водоёмов, ветер... С трудом приподнявшись, села, обхватила голову руками. В висках пульсировала кровь, в груди невыносимо ныло. Огляделась. Действительно, водоем, набережная. Поодаль вереницей шли люди с сумками, чемоданами. Незнакомые мрачные, будто окаменевшие лица...

«Где я? Кто эти люди? Куда они идут? Зачем?» — всё новые вопросы волновали Олесю. В кармане её куртки завибрировал телефон с выключенным звуком. Она не услышала вызов. С большим трудом поднялась со скамейки, поплелась к незнакомцам. А те будто не видели ослабленную, измождённую женщину — всё шли куда-то размеренно и бесцельно. Они отдалялись от неё, и Олесе стало казаться, что идут не живые люди, а мертвые изваяния — холодные, пустые, лишенные человеческого нутра. Нескончаемая тревога, страх изъели их, им осталось лишь это движение и один животный инстинкт — бежать.

Олеся, как в дурмане, поплелась вслед за этими фигурами. Вдруг в кармане куртки опять завибрировал телефон. Нога Олесина запнулась о выбоину. Она упала. Телефон вывалился из куртки. Олеся подняла его: на дисплее мигало слово «любимый». Сердце её больно колотнуло, в мозгу что-то вспыхнуло и погасло. Она всем телом привалилась на землю.

12

Следующим утром в одной из газет Марселя вышла короткая заметка: «Ce matin, sur le quai de Marseille, le corps d'une femme de trente ou trente-cinq ans, vraisemblablement de nationalité russe, a été découvert. Le cadavre a été découvert près de l'exposition de sculptures de voyageurs du sculpteur Bruno Catalano. La femme est morte d'une overdose de drogue».⁶

⁶ «Этим утром на набережной Марселя был обнаружен труп женщины лет тридцати-тридцати пяти, предположительно русской по национальности. Труп обнаружен возле выставки скульптур вояжёров скульптора Бруно Каталано. Смерть женщины наступила от передозировки наркотических веществ».

АНГЕЛ

Рассказ

1

Вадик сложил руки на худеньких коленках так, чтобы они лежали «правильно» — ровно, одна к другой, и отсутствующим взглядом уставился в одну точку. Замерев, он сидел на стуле рядом с белым столом, на котором высилась стопка из пухлых медицинских карточек.

Доктор в тщательно выглаженном белом халате, выбрав нужную, уже в который раз бегло пролистывал пожелтевшие страницы. Именно она, та карточка, приковала к себе всё внимание мальчика. Вадику было привычнее и даже спокойнее, когда вещи лежали строго на своих местах. Прямо сейчас хотелось ему одного: чтобы медкарта вернулась на своё прежнее место — именно так было, когда он вошёл в кабинет.

Глядя на мальчика со стороны, можно было подумать, что он о чём-то задумался — так глубоко ушёл в себя, что не видит и не слышит ничего вокруг. Ну, или просто уснул — ведь бывает, когда люди спят с открытыми глазами.

На самом деле Вадик не спал, он всё видел и слышал, может, даже получше самого доктора. Мальчик давно заметил, что взрослые — и врачи в этих ослепительно белых халатах, и даже мама — не замечают того, что видят и слышат он сам.

— ...Где же я найду для него дельфинов?! — с горечью вздохнула молодая женщина.

Она с нежностью погладила сына по голове, её пальцы нервно подрагивали. От этого прикосновения Вадика как током ударило, дрожь пробежала по его телу. Это было так неприятно, что он чуть не вскрикнул, но мама, почуяв, что сын сжался от напряжения, сразу отдернула ладонь.

— Сейчас март, совсем скоро лето. Вы позовите в Харьков... или в Крым... — доктор как будто хотел продолжить, но осёкся и, смущившись, поправил очки на переносице. — Хотя вот, знаете, в Киеве тоже отличный дельфинарий, — уже увереннее добавил он, глядя куда-то в сторону двери.

В этих словах доктора сквозило равнодушие: посетители уже отняли у него немало времени, отвлекая от важных повседневных дел.

Взгляд Вадика теперь был прикован к длинным ухоженным пальцам доктора, в которых он крутил шариковую ручку, то пристукивая ею по столу, то выкручивая колпачок.

— Да какой там Харьков!.. — с горечью возразила мама. — Там сейчас неизвестно что. Сами видите, что творится... Майданы да беспорядки! До нас ли сейчас дельфинариям!.. — в глазах её читалась растерянность.

Доктор в который раз коротко взглянул в раскрытую карту — уточнил для себя имя-отчество мамы.

— Светлана Борисовна, — он старался говорить мягко, вкрадчиво, — Вадику всего пять лет. А дети с такими нарушениями могут начать говорить и к шести годам, случается, что сразу целыми предложениями.

— Да, я знаю, — тихо ответила она и засобиралась, понимая, что большего ей уже не скажут.

Светлана Борисовна поблагодарила доктора и вынула из затёртого полиэтиленового пакета коробку конфет. Изобразив лёгкое смущение, он невнятно пробормотал, мол, не надо было, но, кинув взгляд на дверь, шустро отправил коробку в ящик стола. Мысленно ставя для себя точку в решении очередного вопроса на сегодня, доктор закрыл медкарту и положил её верхней в общую стопку.

Вадик с удовлетворением отметил это: теперь всё на месте, как и было.

Наклонившись к нему, мама поймала его взгляд и чётко, тщательно артикулируя и разделяя слова, сказала:

— Вставай, сынок. Нам домой пора.

Доктор всегда старался завершить консультацию на позитивной ноте, а потому ради соблюдения формальностей добавил, когда посетители были уже на пороге:

— Не отчаивайтесь, мамочка. Аутизм — это не заболевание. Многое ещё можно исправить.

Следуйте рекомендациям, что я давал ранее.

Светлана обернулась и кивнула.

— Я им следую, — не умев скрыть разочарования, ответила она.

2

Мама Вадика многое не знала. Это неправда, что он не умел говорить. Сын просто любил молчать. Лишние звуки отвлекали его от главного — они мешали ему правильно ориентироваться в пространстве. Вместе со внешними звуками, врывающимися в его мир, что-то важное как будто утрачивалось, терялось, исчезало из поля зрения, лишая его покоя и уверенности.

На самом деле и собеседник у Вадика был. Они познакомились ещё прошлым летом. В тот раз мама отлучилась на кухню, ненадолго оставив его одного в детской. Она знала, что Вадику комфортно в своей комнате: здесь всегда поддерживался строгий порядок — каждая вещь лежала на своём месте, к тому же на стенах висели особые рисунки, которые подсказывали мальчику, для чего нужна та или иная вещь.

Вадик знал, что за оконной рамой есть и другая картина. Как очередной рисунок он воспринимал уличную жизнь. Едва мама вышла из детской, мальчик забрался на стул, а с него — на подоконник, откуда мог часами наблюдать за тем, что происходит на улице. Но больше всего ему нравилось смотреть на клумбы с пышными розами, разбитые вдоль тротуара. Из своего окна на четвёртом этаже Вадик видел, как иногда за цветами ухаживают люди в жёлтых жилетах, — наверное, они тоже любили розы. Мальчик мечтал, что, когда вырастет, наценет такой же жёлтый жилет и будет поливать эти клумбы.

В городе, где они жили, росло много роз самых разных оттенков. Мама рассказывала Вадику, что их целый миллион, а может, и больше. Но считать сын ещё не умел, так что проверить не мог, хотя и без того было понятно: роз в их городе бесчтное количество. Розами украшали улицы, скверы, парки.

Забравшись на подоконник, Вадик недолго постоял, зачарованно глядя на улицу. Рука его

потянулась к оконной ручке. Мальчик надавил на неё и повернул. Оказалось, мама забыла поставить защитную блокировку. Вадик потянул на себя створку окна, впуская в комнату летний зной и запахи улицы. Чтобы получше разглядеть, что внизу, Вадик уселся на подоконнике, свесив ноги наружу. Внизу благоухали розы, двигались фигуры людей, и мальчик с любопытством наклонил голову. В какой-то миг его стало тянуть вниз, он попытался удержаться на подоконнике, неловко двинулся, почувствовал, что теряет под собой опору. Ещё немного — и он бы сорвался с высоты, но вдруг чья-то рука мягко, крепко придержала его. Мальчик обернулся: мамы рядом не было. Его спаситель появился будто из воздуха.

На самом деле он и раньше всегда был рядом, но лишь теперь у Вадика появился дар видеть Ангела. Мальчик это знал точно: похожий ангел, только совсем маленький, среди прочих игрушек висел у них на праздничной ёлке прошлой зимой. Мама тогда сказала, что этот ангелочек может выполнить любое желание, и Вадик загадал, чтобы к ним вернулся папа. Мама почти не рассказывала сыну про его отца, она становилась печальной, когда взгляд её падал на портрет, стоявший на трюмо в рамочке. Угол его перечёркивала чёрная лента.

На вид Ангелу было столько же лет, сколько Вадику. Он ничем не отличался от обычных мальчишек, каких Вадик встречал на улице: на нём была обыкновенная футболка, шорты и только два белоснежных крыла за спиной отличали его от других ребят.

Теперь Ангел сидел рядом с мальчиком на подоконнике и беззаботно болтал босыми ногами — в точности как это любил делать Вадик.

— Ты прилетел исполнить моё желание? — первым спросил его он, обрадованный встречей.

И Ангел нисколько не удивился, что тот может говорить.

— Я не могу исполнить твоё желание. Я прилетел, чтобы уберечь тебя, — просто, словно старому знакомому, ответил Ангел.

— Значит, я никогда не увижу папу? — Вадик вмиг расстроился. Это было так несправедли-

во, ведь все сверстники в округе жили с мамами и папами.

— Увидишь, — ободряюще улыбнувшись, ответил Ангел, — только не сейчас.

Дверь в комнату неслышно приоткрылась, мама вошла внутрь. Увидев сына на подоконнике, она, испуганная, подскочила к нему и обняла за плечи. Мама разволновалась так, что и не заметила, что Вадик был не один.

Когда мальчик слез с окна, мама крепко-крепко прижала его к себе и заплакала, то и дело вздрагивая всем телом. А незримый Ангел сидел напротив и светло улыбался.

Мама сделала всё, чтобы Вадик больше не сумел сам распахнуть окно, но никакие запоры не могли препятствовать Ангелу прилететь к Вадику. Он проникал внутрь через закрытое окно, совсем скоро они с Вадиком стали лучшими друзьями.

Ангел подолгу разговаривал с мальчиком, порой рассказывал об удивительных и даже странных вещах. Например, о далёких прекрасных мирах, откуда он являлся. Там нет места злобе и несправедливости, утверждал Ангел. В том мире всегда синее небо, расцвеченное радугой, там всегда с ним его самые близкие — мама, папа, бабушка и дедушка. Ещё Ангел сказал, что у него есть старшая сестра, но она почему-то редко приходит к ним. Наверное, потому, что чёрным ангелам нельзя жить в их мире.

— А почему она чёрный ангел, а не белый, как ты и твои родители? — поинтересовался Вадик. Он всегда внимательно слушал своего друга и был рад каждой его истории.

Ангел умолк, его лицо стало задумчивым, наконец он ответил:

— Когда-то здесь, в этом городе, была война. Сестрёнка не вынесла горя и посланных ей испытаний — она лишила себя жизни.

— А что такое война? Ты расскажешь мне про испытания? И как это — лишить себя жизни? — забросал вопросами Вадик и удивился смене настроения своего друга: никогда он не видел Ангела таким печальным.

Ангел молчал. Лицо его стало серьёзным, совсем как у взрослых.

— Не сейчас. Ещё не пришло время, но скоро ты обо всём узнаешь, — сказал он и растворился в воздухе.

3

Прошло много месяцев. Ангел не появлялся. Вадик даже волновался, что обидел нового друга своими расспросами. Мальчик не знал, как теперь ему поступить. Если бы мама подсказала, как вернуть друга!.. Но спросить её об этом Вадик не решался.

Тем мартовским днём они возвращались домой после поликлиники, где их консультировал доктор. Высоко в небе, прямо над головой, Вадику улыбалось яркое солнышко. Казалось, после зимних холодов оно вдохнуло жизнь на улицы города Миллиона роз. На кряжистом тополе о чём-то звонко скандалила стайка воробьёв. Старая ворона, сидящая по соседству, устав слушать их перебранку, сварливо каркнула и, слетев с тополиной ветки, перебралась на соседнее дерево. Улица шумела весенней капелью, шелестом шин, голосами людей. Окна домов сверкали умытыми дождём стёклами, кое-где ещё лежали холмики грязного рыхлого снега.

По дороге ехала уборочная машина, под её «брюхом» вращалась щётка-барабан — она смахивала остатки ледяной крошки на обочину. В воздухе уже чувствовалось весеннее оживление. Ещё немного, вот-вот — и природа задышит полной грудью.

Вадик шёл по улице и радовался погоде, предвкушая настояще тепло. Он смотрел на высокое небо, улыбался солнцу. И вдруг заметил ангелов. Они появились из ниоткуда, будто по мановению волшебной палочки. Их было неисчислимно много. Встревоженным ульем они неслись над улицей. Их белоснежные крылья, переливаясь в лучах мартовского солнца, мелькали повсюду — они залетали в окна домов, опускались на тротуары. От одной такой стайки оторвался ангел Вадика. Мальчик сразу узнал его и был очень рад снова увидеть своего друга. Ангел был чем-то встревожен, он как будто хотел что-то сказать Вадику.

— Здравствуй, Ангел! — первым выкрикнул мальчик. — Мама, смотри — там Ангел!

Сын хотел, чтобы мама непременно увидела его друга, но вместо этого она схватила Вадика на руки, крепко прижала к себе, заглянула в его лицо и расплакалась:

— Что ты сказал, сынок? — взволнованно шептала она. — Повтори, что ты сказал!!! — уже громче воскликнула мама. — Это ты мой ангел, сынок!

Вокруг творилось что-то странное, невообразимое. Сначала содрогнулся воздух, затем ударило удущивым жаром, следом накрыло пронзительным воющим звуком. Вадик почувствовал, что какая-то сила толкнула маму в спину; ещё секунду она держалась на ногах, затем, не выпуская сына из рук, упала навзничь. В последний момент матери всё же удалось повернуться на бок, прикрыв собой Вадика от неведомой злой силы, что отобрала жизнь её самой, а теперь грозит и ему.

Вадик лежал, уткнувшись лицом в грязный снег. Наконец ему удалось чуть повернуть голову, и он увидел, как вздымается кверху земля и чёрные комья вперемежку с кусками асфальта падают на тротуар. Окрестные дома вздрагивали и сыпали разбитым стеклом из окон. Вокруг лежали люди, кровь... Вадик видел, как чья-то злобная невидимая рука легко

раскидывает тяжёлые машины, корёжит металл.

С новой силой застучал по асфальту дождь из железных осколков. И ангелы, прикрывая своими крыльями людей, незримо падали на асфальт.

Вадик высвободился из-под тяжести материнского тела и перевернулся на спину: теперь он заметил, что и его накрыл крыльями Ангел.

— Что это, Ангел?! — пересилив в себе ужас от происходящего, вымолвил Вадик.

— Война! — ответил тот и чуть слышно добавил: — А ты живи! Слышишь, пожалуйста, живи!

Чуть позже взрывы прекратились. Стихло. Казалось, страх, невыносимый, тошнотворный, парализовал улицу оглушённого города Миллиона роз. Наконец в округе стали различимы стоны раненых. На дороге перевернутая уборочная машина беспомощно скрежетала, вращая щёткой.

До этого дня Вадику никогда не было так страшно. Он с трудом поднялся с холодного асфальта. Вокруг зашевелились и другие люди — те, кто выжил. А ангелы, побитые, истерзанные смертоносным металлом, так и остались лежать, распластав крылья.

ГОРОД МАРИИ

Рассказ

ДЕТЯМ ДОНБАССА

Червоточьями да кровоточьями
зарубцовывается война.
Над полями, что за обочинами,
полно чёрного воронья.
По дороге, что лентой стелется,
где изрублена, видит Бог,
русокосая ясна девица,
в волосах — голубой цветок.
Её руки — не толще веточек,
её стопы — балетный свод,
она будет из добрых девочек,
из наивных святых сирот...
(Анна Ревякина)

1

В палате, где лежала Мария, было тихо и тепло. Уютная постель, заправленная белой простынёй, тёплое пуховое одеяло и мягкая подушка — это всё, в чём она нуждалась теперь. А ещё услышать бы мамин голос, увидеть её улыбку... Но об этом Мария старалась не думать. С некоторых пор девочка полюбила тишину, она как будто защищала её, обволакивая коконом, надёжно сберегала хрустальный мир внутри.

Иногда звуки работающих медицинских приборов, стоящих у изголовья, всё же пробивались к сознанию Марии. В такие моменты,

просыпаясь, она приходила в себя, а в памяти её то и дело всплывали жуткие картинки из недавнего прошлого, — тогда она вновь закрывала глаза, погружаясь в монохромный мир мягких теней. В ту страшную реальность воспоминаний, расцвеченных красками, она не хотела возвращаться.

В её палате необычное оживление — в комнате много людей в белых халатах. Мария не хочет никого видеть. Люди приносят с собой только боль, единственное спасение — отгородиться от звуков и жутких воспоминаний из прошлого, что приносят невообразимые душевные страдания, закрыть глаза, но воздушное разноцветное облако у кровати взмывает к самому потолку, привлекает её внимание.

У изголовья завис виновник шумного праздничного веселья, он не похож на взрослых в белых халатах. У него пышная рыжая шевелюра, большой красный нос-шарик. Он приветливо улыбается раскрашенным ртом, что-то говорит ей или спрашивает? Рыжеволосый весельчак показался Марии давнишним знакомым; он пришёл к ней из прошлой жизни, той, где были страх и боль. Мария снова ищет защиты у чёрно-белой тишины, девочка вобрала голову в плечи и крепко-крепко зажмурила глаза, но тёплая рука ласково касается её пальцев, и ожившие воспоминания вливаются лёгкой тёплой волной Азовского моря, рыхим солнцем над головой и звуками порта...

2

— ...Мама, мама! Смотри, какая ракушка! — худенькая, почти прозрачная девочка бежала на тоненьких ножках вдоль пляжа. В вытянутой руке она держала ракушку величиной с её ладошку.

— Осторожно, Машутка, упадёшь ведь! — Молодая женщина села на плед, наблюдая за дочерью. Она приставила ладонь козырьком ко лбу, пряча глаза от яркого, входящего в зенит солнца.

— Я увидела ракушку на дне моря и поймала! Какой это цвет, синий? — девочка плохнулась к маме на колени и протянула ей свою драгоценность.

— Ух, какая ты мокрая и холодная, как рыба!

— Мама обняла дочку и принялась растирать её полотенцем.

— И вовсе я не рыба! Скажи, это синий?

— Нет, это не синий, — мама покрутила в руках ракушку, — это чернильный цвет.

— А что такое «чернильный»? — девочка, округлив глаза, вопросительно уставилась на маму.

— Вот пойдёшь в школу — тогда узнаешь.

— А когда я пойду в школу? — не унималась девочка.

— Скоро, через два года.

— Наверно, это долго! Мама, а можно узнать быстрее, что такое «чернильный»?

— Можно, — улыбнулась мама, — но сначала надо причесаться.

— Мама, а когда у меня день рождения?

— Машутка, через пять дней. У тебя ровно столько пальчиков на руке, — мама взяла худенькую дочкину ладошку и стала загибать её пальчики в кулак: — Один, два, три...

— Мамочка, а мы пригласим клоуна? — Считать пальцы Маше было скучно.

— Обязательно пригласим! — мама прикоснулась расчёской к волосам своей непоседы. — Сиди прямо, не вертись!

— Мамочка, ты обещала, что на мой день рождения мы пойдём в зоопарк смотреть на слона, а потом купим ананас, — вдруг вспомнила Машенька, от нетерпения она заёрзала на маминых коленях.

— Конечно, сходим в зоопарк и ананас купим. Только сначала надо дождаться папу, когда он придёт с плавания. Все вместе отпразднуем твой день рождения и слона посмотрим в зоопарке! — мама уже управилась с волосами дочери — заплела их в тоненькую косичку.

— А что, папа умеет ходить по воде?! — Синие глаза Маши удивлённо и восторженно смотрели на маму.

— Корабль папин ходит по воде, а папа ходит по кораблю. — Мамина улыбка была самая красивая на свете.

— Я так люблю тебя, мамочка, — Машенька обняла маму за шею и, спохватившись, добавила: — И папочку тоже.

— Болтушка моя! Собирайся домой, солнце уже высоко, иначе обгорим мы с тобой. Что тогда папа скажет?

— А что такое «болтушка»?

— Не что, а кто! Это ты! — мама осторожно прикрепила к волосам девочки заколку с синим цветком — одного цвета с небом и глазами дочери.

— Нет, меня зовут Мария, как наш город! — девочка вспомнила, как мама учила с ней название города, в котором они живут, созвучного с её именем.

— Мама, можно я ещё в море? Ну, разок... ну пожа-алуйста?! Я хочу, как папин корабль, пойти по воде!

Не дождавшись ответа, девочка побежала к морю. У самой кромки Мария вдруг остановилась, будто передумав купаться. Замерев, она всматривалась вдали. Ласковое море запускало пенные языки волн в прибрежную гальку, шуршало ракушками, теплом своих вод касалось ног и откатывалось обратно. Где-то в синеве, далеко-далеко, там, где море сходилось с небом, виднелась еле различимая чёрная точка, оттуда по морю донёсся протяжный заунывный звук, словно тосковал кто-то или предупреждал о чём-то...

Это стало единственным воспоминанием девочки, где царили безмятежность и безотчёточное счастье, где была маминя улыбка — самая красивая на свете.

3

Был ещё один день, что прочно впечатался в память Марии. Весь день, не переставая, громыхала канонада. Маша с мамой сидели в большой комнате их квартиры, расположенной в многоэтажном доме. Встревоженная женщина, устроившись в кресле, держала дочку на коленях, крепко прижимая её к груди. Мария слышала беспокойный стук маминого сердца: её тревога передавалась дочери. Отец стоял у окна, запустив пальцы в волосы, он нервничал, всматриваясь на улицу, и как будто что-то бормотал себе под нос. Иногда обращался к жене и дочери, рассказывал, что видит за окном. Тогда отец говорил точь-в-точь как военные, что в

последние дни наводнили их город: он чеканил каждое слово:

— ...Подразделение «Азов» уже здесь. Экипировка по высшему разряду. Натовская. Надо уходить.

В голосе отца Маша слышала тревогу. Так слово «Азов» стало для неё угрозой. Но разве тёплое и ласковое море может быть страшным? Этого Мария не понимала.

— Мы же мирные! Нас не тронут! — мама и сама не верила в это.

Мария почувствовала в её голосе сомнение.

— Вспомни, когда они явились сюда, сколько мирных увезли в аэропорт, в «библиотеку»?!

— строго напомнил муж. — Думаю, не одна сотня сгинула там за эти годы. А милицию расстреляли, помнишь?! Весь отдел за неподчинение к стенке поставили! Да что говорить! Нацисты!

Кто такие «нацисты» — этого Машенька не знала, о них она раньше не слышала. И всё же девочка сразу поняла, что слово «нацисты» таило ту же скрытую угрозу, что слышалась в папином «Азове» — тогда Маша впервые мысленно увязала вместе эти два слова.

Раздался сухой треск автоматной очереди и отчаянные крики людей. Отец отпрянул от окна. На его бледном лице — глаза, полные ужаса.

— Бери Машусю! Бежим! — крикнул он как будто не своим голосом.

Не успели. Стены дома загудели, задрожали, из окон с оглушительным звоном посыпались на пол стёкла, в эту секунду у Марии внутри всё сжалось от леденящего холода, ей стало так страшно, что у неё потемнело в глазах, она втянула голову в плечи...

4

Они сидели в подвале уже который день. Снаружи громыхали взрывы, от которых сотрясались стены, пахло затхлостью, гарью и отхожим местом в тёмном закутке. На столике, сделанном из обломков досок и битого кирпича, — робкий огонёк свечи. Пламя колебалось, словно камертоном отмеряло силу взрывов.

Мария в этом году должна была пойти в школу и уже умела считать до двадцати. Сейчас

в подвале она насчитала шестерых человек — это вместе с самой Машей и мамой. Их папы рядом не было — он был бы седьмым. Огромной силы выбух заставил девочку сильней прижаться к маме.

— Сто двадцатыми минами кроют!..

Это сказал дед Михась. С недавних пор гражданские и даже дети научились распознавать калибр боеприпасов по силе их взрыва. Раньше старик жил в соседнем подъезде их девятиэтажки. После обстрела в упор танками укранацислов половина дома обвалилась, стояла в руинах, уцелело три подъезда. Сколько выжилось людей — этого никто не знал, с той стороны рухнувшей девятиэтажки к ним в подвал пробрался только дед Михась. Били укранацислы целенаправленно по мирным объектам. Военных в жилом доме, конечно, не было, но, понимая, что им придётся отступать, бандеровцы разрушали всё на своём пути: подрывали дома, жгли улицы, не щадили ни стариков, ни женщин, ни детей.

Время в подвале тянулось медленно. Люди в подвале по большей части молчали, каждый думал о своём. Обычно переговаривались, когда распределяли меж собой продукты и воду или делились последним, кто чем мог, — теплой одеждой, одеялами, матрасами.

Вестей снаружи люди в подвале почти не получали. О том, как дела идут на фронте, судили по канонаде то приближающегося, то отдаляющегося фронта, и разговоры были все только о войне. Гадали, как скоро освободят их русские войска вместе с донецким ополчением, о мирной жизни старались не вспоминать — так легче переносить невзгоды, побороть в себе страх перед азовцами и бомбёжками. Говорили люди вполголоса, чтобы ненароком не выдать своё присутствие бандеровским карателям. Из этих коротких разговоров взрослых маленькая Мария уяснила, что их город захватили укранацислы, называли они себя азовцами, а российские войска пришли на помощь ополченцам, чтобы освободить многострадальный город. Каждый раз после таких разговоров дед Михась, словно ценную реликвию, молча доставал из-под ремня брюк ленточку, раскрашенную в жёлто-чёрную полоску, на всеобщее обозрение и пря-

тал её обратно. Раньше такие ленточки можно было носить повсюду, но с приходом бандеровцев носить их открыто стало опасно.

Обстрел пошёл на убыль. Взрывы отдалялись. Скоро послышались быстрые шаги, под обувью неприятный хруст битого стекла и крошки кирпича. Дед Михась торопливо задул свечу — к ним в укрытие могли зайти азовцы. Маша зажмурилась, чтобы было не так страшно. И вот в наступившей тишине — только этот ужасный звук... Он становится ближе, громче. Сердечко Марии билось пойманной в силки птицей. Вдруг всё стихло.

— Дед! Опять свечи экономишь! — послышался смешливый говорок Машиного папы.

Михась виновато закряхтел, стал чиркать спичкой, брызгая в темень искорками. Наконец с третьего или с четвёртого раза у него получилось зажечь спичку. Огонёк быстро перemetнулся на свечу, и Мария увидела папино родное лицо. За то время, что они сидели в подвале, он зарос щетиной, но сейчас лицо его было чисто выбрито.

— Вот! — Он поднял перед собой клетчатый баул, чтобы показать всем. В сумке громыхнуло стекло. — Закрутки нашёл на третьем этаже, в сто шестнадцатой! Кто там жил?

— Люся с Пашей. У них дети в Курске. Может, сумели выбраться к ним... может, живы, — вздохнув, отозвалась тётя Света с седьмого этажа; её квартира ровно над квартирой Машиных родителей.

Дочь тёти Светы — Катюша — сидела тут же и жалась к матери. Она старше Марии, ходит в третий класс и раньше не водилась с малышней, зато теперь с Машей не разлей вода — они единственные дети в подвале.

— Ты, Степан, хоть бы обозначал себя, что ли, — заворчал дед Михась. — Откуда нам знать, кто наверху шастает? Может, там азовцы!

— Вот и сказал бы: «Стой, кто идёт?» — отшутился отец и поставил сумку рядышком с дедом. — На вот, распредели. Думаю, дня на три хватит, если не экономить, — Степан подмигнул старику и подсёл к своей семье, чмокнул в лобик Машу и затем жену. Ира с нежностью провела по его щеке.

— Когда успел побриться?

— К нам в квартиру забегал, пришлось обстрел пережидать... Как Машуся? — шёпотом спросил он.

Ира пожала плечами, крепче притянула к себе дочь, шепнула мужу на ушко ответ:

— Молчит по большей части. Хорошо, Катюша здесь. Скучаю по нашей болтушке, — голос её дрогнул, и она погладила голову дочери.

Помолчали немного.

— За водой идти надо, — тяжело вздохнул Степан, обречённо глядя на пустые пятилитровые канистры. Выходить наружу — ещё больший риск, чем искать продукты в доме.

— Пойдёшь со мной, Игорёк?

Игорь прибился к ним в подвал вчера: неслышно, словно тень, скользнул вдоль стены по ступеням, чем перепугал деда Михася, кротко бросил: «Меня зовут Игорь». После этого без лишних разговоров он сел подальше от огня свечи. Откуда он пришёл и что с ним случилось, не говорил, на разговор не шёл. На вид ему было лет тридцать пять, а сам сухой, длинный, со впалыми щеками. Левая рука его была обмотана грязными бинтами. В больших карих глазах его поселился страх.

Сейчас он сидел вполоборота на корточках с согнутыми в локтях руками, правой придерживал повреждённую левую. В свете свечи его фигура напоминала жука-богомола.

На вопрос Степана Игорь ответил не сразу, сначала он сидел неподвижно, потом закачался всем телом. Тень на стене тоже ожила, присла в движение, будто готовилась к броску.

— Слышал, слона в зоопарке убили... азовцы минами забросали! — вдруг отозвался он голосом, как у расстроенной скрипки, и, уходя от прямого ответа на предложение Степана, выдал совет: — На улицу архитектора Нильсена не ходи — там снайперша всех, кто у колонки, двухсотит.

— Откуда знаешь, что снайперша? — ожидался дед Михась, скорый на любую беседу: он был рад поговорить хоть с кем-нибудь, хоть о чём-нибудь.

— Она, сука, сначала в пах бьёт, а потом, когда кровью истечёшь, может и смиловаться, — Игорь приставил к виску указательный палец, тень на стене бесшумно выстрелила в голову.

Пояснил: — Мужики так делать не станут.

Михась не нашёл, как продолжить разговор, лишь плотней поджал губы. Степан посупровел лицом, нахмурил брови. Глухим голосом спросил:

— Куда идти-то за водой, знаешь?

«Богомол» на стене снова задвигался.

— Ближе всего — в Приморском районе, у порта, в старой застройке... А если надёжней — в Новосёловке, у храма, где горбольница: там колодец есть.

5

Степан приносил в подвал воду, а заодно и новости, которые узнавал от людей, которых встречал у колодца. Так жители подвала узнали, что укронацисты отступают. Это было понятно и по шуму боя. Уходя, они вели зачистку всех укрытий, которые только могли обнаружить.

В один из дней дед Михась не успел задуть свечу — их схрон всё-таки обнаружили азовцы: дверь в укрытие была открыта.

— Эй, сепары! Выходь! — громко крикнули с улицы в глубину подвала.

Дед вздрогнул, хотел было придавить фитиль пальцами, но вдруг передумал, гордо с вызовом вскинул подбородок.

— Здесь дети! — крикнул в ответ во всю силу старческого голоса, надеясь, что это сбavit пыл у тех, кто стоит у входа.

И всё же пламя свечи в дрожащих руках деда затрепетало, в его глазах с выцветшей райкой появилась влага. Мария увидела, как побледнело лицо деда, как дробно затряслись его синюшные губы. Дед Михась поймал на себе испуганный взгляд Марии — и тут сразу присанился как мог, через силу улыбнулся, а с воспалённого века соскользнула на морщинистую щеку предательская слезинка.

Он поставил свечу в банку, стоящую на полу.

— А-а! — раздалось с улицы. — У вас диты! Тоди держить подарунок! Слава Украине! — последовал довольный гогот.

По ступеням, ведущим вниз, в подвал, что-то с грохотом покатилось. В этот миг Марии

стало очень страшно, всё вокруг, казалось, замерло, словно в замедленной киноплёнке, она увидела, как падает к ним, ступенька за ступенькой, овальный предмет, похожий на незрелый ананасик, как в свете свечи поблескивали его металлические грани. Дед Михась, не раздумывая, кинулся к предмету и накрыл его собой. Это и спасло всех, кто прятался в подвале. И вдруг тело деда подбросило, взрывной волной откинуло на доски. Свеча погасла. Мария до боли зажмурила глаза, втянула в плечи голову, закрыла ладошками уши, но ещё долго слышала неугасающее гулкое эхо взрыва...

Деда хоронить в земле не стали — женщины боялись выйти на улицу, было опасно находиться на одном месте: шли сильные обстрелы, канонада громыхала. Тело деда Ирина и Светлана отнесли в дальний угол подвала, присыпали битым кирпичом. Из досок, как сумели, соорудили крест, поплакали...

Пока женщины были заняты, Игорь исчез из подвала. А Степан всё не возвращался с очередной вылазки за водой.

На следующий день Ирина и Светлана решили, что дальше находиться в подвале нельзя. Азовцы снова могли наведаться. Нужно было рискнуть и найти другое укрытие. Ира нашла обрывок от обоев и карандашом, размашисто водя рукой, написала, что она и Маша живы, направляются в такую-то сторону. Женщина надеялась, что муж вернется и прочитает это послание, а потом найдет их.

Держа детей за руки, крауничясь, Ира и Светлана вышли на улицу и... не узнали родной город! Хоронясь от шальных осколков и пуль, они передвигались по улицам, изрытым воронками, вдоль чёрных остовов обожжённых деревьев, мимо домов со шрамами-рубцами от трещин и фасадами, посечёнными осколками. Мария испуганно смотрела по сторонам, и полуразрушенные дома провожали её тяжёлыми взглядами пустых выжжённых глазниц-окон со следами пожарищ.

Короткими перебежками, пережидая самые опасные минуты за кучами битого кирпича и искорёженными плитами бетона с торчащими кусками арматуры, женщины двигались всё дальше в надежде найти подходящее убежище.

Позади остался стадион «Азов», вот уцелевший частный домик. Ира вспомнила его. Как часто в мирное время проходила она мимо, даже не обращая внимания! Теперь на воротах дома белой краской кто-то написал пугающее: «Не входить! Стреляю без предупреждения!» Ира взяла Марии на руки, пошла дальше. За поворотом другая надпись, тоже белой краской, словно оберег или молитва: «В ДОМЕ маленькие ДЕТИ. Господи, спаси и сохрани». Им надо туда, где дети, под защиту стен и этой короткой молитвы! За спиной беглянок, свистнув, легла мина, и женщины, не сговариваясь, метнулись в переулок. На стене другого уцелевшего дома — сообщение как призыв к милосердию: «Здесь живут люди».

Снова раздался свист, и мина легла ближе к женщинам, полетели осколки. Как в слепой ярости, они дробно стучали позади. «По нам бьют!» — в ужасе подумала Ира, и от этой мысли по коже мороз, она ещё крепче прижалась к себе Машеньку.

— В нас стреляют! — вторя мыслям Иры, тихонько сказала Светлана. — Катюша! В подвал! Живо! — скомандовала она дочери.

Катюша что было сил рванула к дому, на который указала мать. К скрытой внизу спасительной двери, вниз по ступенькам в цоколь, в чём-то магазинчик с покосившейся, пробитой осколками вывеской «Паляница». Катюшина русая голова уже нырнула и пропала под козырьком, нависшим над лестницей. Светлана с тревогой следила за дочерью... И в следующее мгновение мина рванула внизу, обрушив на вес, повалил густой дым.

Светлана кинулась вниз по лестнице. Следом за ней Ирина, она крепко прижимала к груди Машу. Облако из дыма и пыли мешало разглядеть, что творится на ступеньках. Пробившись сквозь завал по осколкам шифера и кускам чего-то мягкого, надышавшись гарью, женщины ворвались внутрь. Магазинчик оказался пуст, всюду следы погромов: разбитые поваленные витрины, на полу —битое стекло, на стенах — покосившиеся полки, свет сюда проникал только через открытую дверь и не освещал всего помещения. Откашлялись. Катюши нигде не было видно, покликали, всма-

тряваясь в темень углов, но она не отзывалась.

Сердце Светланы рвалось наружу от тревоги. Почувствовав беду, женщина вдруг замерла, словно под ударом вытянув спину. Она не сразу обернулась к двери, через которую только что вбежала в магазинчик. Наконец обернулась — и раздался её истошный крик.

Катюшу женщины хоронили ночью тут же во дворе. Предали земле всё, что смогли собрать после взрыва. Могилу рыли куском арматуры и обломком доски. Образовавшееся возвышение на могилу было не похоже. Сколько ни уговаривала Ира убитую горем мать вернуться в укрытие, та не шла. Светлана упала грудью на холмик рыхлой землицы, да так и осталась лежать. Когда с новой силой начался обстрел, Ирина была вынуждена оставить подругу одну: саму её ждала дочь.

Мария не видела всего этого. Она сидела в магазинчике, прислонившись спиной к холодной стене. Девочка не могла оторвать взгляда от нанесённых со стороны улицы зловещих кровавых отпечатков на чудом сохранившемся оконном стекле.

Сколько дней прятались они с мамой в магазинчике, Мария не помнила. Тётя Света так и не вернулась к ним. Где она теперь и что с ней стало?..

Мама запрещала Марии выходить на улицу. Не дождавшись подруги, Ирина, как смогла, забаррикадировала входную дверь, просунула в ручку кусок арматуры. Снаружи слышались взрывы, треск автоматных очередей. Бои не прекращались ни днём ни ночью, обстрелы становились всё ближе. Единственным источником света в полуподвальном помещении их укрытия было маленькое зарешеченное окошко в примыкавшей комнатушке к основному помещению. Ни спичек, ни свечей у них не было.

То окошко выходило на улицу и было на уровне тротуара. По-видимому, комната служила при магазинчике подсобкой. Иногда мимо окошка мелькали ноги в берцах песочно-го цвета, слышалась украинская речь. Мама запрещала Маше входить в подсобку и смотреть в окошко. Она держала дочь подальше от того помещения, памятуя гранату, что бросил к ним в подвал укронацист.

Но сама Ирина осторожно, чтобы её не заметили, подолгу наблюдала из окошка за происходящим на улице, делала выводы, как продвигается битва за город, где какие войска могут находиться. Там же, на своём наблюдательном пункте, среди мусора Ирина отыскала две бутылки с водой и кулёчек с конфетами. Леденцов было немного, но это стало для них с дочерью единственной едой.

Девочка всё больше замыкалась в себе. Она перестала спрашивать, когда вернётся за ними отец. Ирина подолгу сидела на уцелевшем стуле, прижав к себе дочку, гладила её голову, и тогда Маша чувствовала, как что-то тёплое касается ей на макушку.

Снова грохот и лязг гусениц, теперь уже совсем рядом. Ирина кинулась в подсобку, осторожно глянула в окно. Танк под сине-желтым флагом, на котором свастика соседствовала с трезубцем, ехал по улице, на ходу без разбора обстреливая дома. Ирина поняла: надо бежать, пока их прибежище не стало для них с дочкой могилой из камня и бетона. Она бросилась к двери, выдернула из ручки кусок арматуры, но открыть её не смогла: за время обстрелов дверь завалило снаружи чем-то тяжёлым. Как Ирина ни старалась открыть дверь, та ни с места. С отчаянием женщина навалилась ещё раз, под этим напором дверь всё же поддалась — приоткрылась. Но больше не двигалась: что-то подпирало её снаружи. Вздрогнули и с новой силой загудели стены дома. Ира примерила рукой щель между дверью и косяком. Медлить дальше было нельзя.

— Машуся! Скорей ко мне! Постарайся пролезть в эту щель! — скомандовала Ирина.

Немного повозившись, девочка при помощи матери с трудом протиснулась наружу. Солнечный свет ударил ей в глаза, на мгновение ослепив.

— Запомни, Машуся! — начала напутствовать мать. — Беги обратной дорогой к нам домой, откуда мы пришли сюда. Взрывов не бойся, прячься от них, и всё будет хорошо. В нашем доме должны быть русские солдаты, беги к ним. Наши на форме носят ленточки с чёрными и оранжевыми полосками.

— Как у деда Михася? — спросила Мария.

— Да, моя болтушка, — сквозь слёзы улыбнулась мама в ответ, — как у деда Михася. Если военные будут с такой ленточкой — значит, русские.

— А ты, мамочка?! — Мария захлопала ресницами, готовая расплакаться.

Вдруг совсем рядом прозвучал огромной силы взрыв.

— Беги, доченька, отсюда! — прокричала Ирина, с мольбой глядя дочери в глаза. — Беги быстрей, не оборачивайся!

Мария выскочила на улицу и что было сил побежала. Под ногами ходуном ходила земля. Девочка услышала позади страшной силы грохот. Когда Мария остановилась, обернулась, то увидела, как сыпались кирпичом и оседали стены дома, где осталась мама. Из облака пыли, накрывшего улицу, прямо на девочку выкатил танк под сине-жёлтым флагом со свастикой и трезубцем. Мария снова пустилась бежать. Впереди среди куч кирпича и плит бетона замаячили зелёные фигурки. Маша вспомнила слова мамы про ленточки, но разглядеть их на форме было непросто — слишком далеко были солдаты, но и без того девочке было понятно: если сине-жёлтый флаг позади неё, то русские — впереди. Значит, она выполнила задание мамы — добежала до русских! Они Марию тоже заметили. Солдаты что-то кричали девочке, махали руками, будто прижимая что-то к земле, а две фигурки, словно тени, скользнули меж руин домов навстречу ей.

«Та-та-та, та-та-та!!!» — услышала Маша за спиной. Что-то с силой ударило в спину. Мария не чувствовала боли — лишь удивление: почему она теряет силы? Так случалось с ней во снах: Марии снилось, что её настигает чудовище и, чтобы спастись, надо пробежать ещё совсем чуть-чуть, но силы в этот момент предательски покидали её, бежать становилось всё трудней, Мария с трудом передвигала ноги, а чудовище настигало беглянку.

На этот раз был не сон — всё по-настоящему! Мария, замедлив бег, ещё сумела сделать пару шагов, остановилась, ноги её подкосились и, качнувшись, она навзничь упала на землю. Над ней в дыму синее небо, в глазах потемнело, она

чувствовала, как немеет тело. В памяти проносились знакомые лица — мама, отец, дед Михась, тётя Света и её Катюша, Игорь — «жук-богомол». В этот момент ей стало очень обидно за всех, с кем она провела эти дни под бомбёжками. Вдруг стало очень тихо, будто кто-то выключил все звуки мира. Мария крепко-крепко зажмурила веки...

6

В городской больнице, в Новосёловке, что у храма, шумно и весело — главврач на время отменил строгое расписание. В детское отделение приехал в гости Доктор Смех! Он не носил, как все врачи, скучный белый халат — наоборот, на нём была курточка в крупную клетку — красную, синюю и жёлтую, на голове — рыжая кудрявая шевелюра, ноги обуты в огромные башмаки с мягкими помпончиками, лицо с носом-шариком раскрашено краской. Пришёл он к детям с подарками: целым облаком из цветных воздушных шариков. Доктор Смех много шутил, показывал фокусы, загадывал смешные загадки и ешё на глазах у всех пациентов смешно глотал горькие пилюли. И всем-всем дарил воздушные шары! К концу выступления гостя облако шаров заметно уменьшилось, зато улыбающихся детских лиц стало значительно больше. Медсёстры тоже смеялись над шутками Доктора Смеха, но больше всего их радовали улыбки и хохот маленьких пациентов. Наконец представление закончилось, и клоун вышел в пустой больничный коридор. Здесь его никто не видел, и он вмиг утратил веселье. Лицо рыжего клоуна погрустнело.

Вдруг в коридоре раздался мужской голос:

— Спасибо вам! — это был главврач, он вышел следом за клоуном. — Нашим детям так необходимы внимание и любовь! Некоторые даже не знают, что такое праздник, — он тяжело вздохнул. — Скажите, как к вам обращаться?

— Доктор Смех, коллега, — моментально отреагировал клоун, вновь натянув на усталое лицо улыбку.

Но главврач не был настроен на шутливый разговор, и клоун сразу это понял. Тем време-

нем, делясь впечатлениями от выступления, из палаты шумно высыпали молоденькие медсёстры, они умолкли, как только увидели главврача, и обступили их с клоуном полукругом.

— Вообще-то, я Григорий, — серьезным голосом представился клоун и протянул руку главврачу.

— Меня можно просто — Иван, — представился главврач. — Григорий, у меня от всего нашего коллектива к вам просьба... — Доктор, бегло окинув взглядом медсестёр, как будто заручился их поддержкой, — те закивали ему. — У нас в отдельной палате лежит особый пациент... Как бы объяснить вам...

— Эта девочка — наш герой, стойкий оловянный солдатик!.. — на помощь доктору пришла самая молодая и бойкая из медсестёр, из-под белого чепчика у неё выбилась непослушная прядь рыжих волос — таких же, как у клоуна.

— Вот именно, стойкий оловянный солдатик, — подтвердил доктор.

— И весь персонал больницы любит её, приходит навещать, — продолжила медсестра. — Ранило нашу девочку серьёзно... — она смахнула слёзы с глаз.

— Подождите, Людмила Ивановна! Всё по порядку, — одёрнул сердобольную медсестру доктор. — Девочку доставили к нам в тяжёлом состоянии наши солдаты. Ранение мы вылечили, а вот душевную рану... — доктор, отвернувшись, кашлянул в кулак, подождал, когда отхлынут эмоции. — Простите. Никак не привыкну. Вот уже год как она у нас, и всё молчит. Девочка скорее всего сирота, у неё сильнейший стресс. Она отказывается принимать пищу сама, утратила интерес к жизни. Мы знаем, что у вас большой опыт общения с разными детками, — доктор снова кашлянул. — Может, Григорий, у вас получится вернуть девочку к жизни? Мы даже не знаем, как зовут её! — и он беспомощно развёл руками.

— В какой палате девочка? — с готовностью отозвался Доктор Смех. — Попробую. Что смогу — сделаю.

На большой кровати лежала худенькая, почти прозрачная девчушка. На вид ей было шесть-семь лет. От изголовья тянулись к ней различные провода приборов. Тёмные круги

под глазами делали её синие, как небо, глаза безжизненными.

Девочка даже не шелохнулась, когда к ней в палату пришли гости. Лицо клоуна на мгновение изменилось, стало серьёзным, даже слой грима не скрыл на лице тудушевную боль, что испытал он, глядя на девочку. Доктор Смех старался вовсю: он привязал оставшиеся воздушные шарики к спинке кровати и стал показывать самые смешные фокусы, которые знал, громко и заразительно смеялся над своими шутками, окружающие смеялись тоже, но девочка продолжала лежать неподвижно. А когда она закрыла глаза, Доктор Смех сел к ней на кровать, взял её за руку и что-то зашептал ей в самое ушко. Девочка вздрогнула, подняла тяжёлые веки, обвела палату взглядом. Медсёстры и главврач замерли, казалось, даже не дышали. Слышно было, как работают, жужжат на разные лады приборы жизнеобеспечения.

— Здравствуй, Доктор Смех Афоня, я помню тебя, — чуть слышно сказала девочка слабым голоском. — Ты был у меня на дне рождения. А слона я так и не увидела. Дядя Игорь сказал, что убили его.

— Как зовут тебя, моя хорошая? — дрогнувшим голосом, сдерживая подступивший ком, спросила медсестра с рыжим солнечным локоном, выбившимся из-под белого чепчика.

— Как наш город — Мария, — ответила девочка тихо-тихо.

В город вернулась весна. Вдоль улиц деревья с почерневшими от пожарищ стволами выпустили на ветках первую робкую зелень. Мариуполь ожидал, набирался сил. Отстраивались микрорайоны, затягивались уродливые шрамы войны, теперь в городе шумела только строительная техника, больше не пахло гарью — в воздухе стоял запах битума и свежеуложенного асфальта. Перед драматическим театром на площади заработал новенький фонтан, фасады домов принаряжались — постепенно затирались следы войны. Город Марии продолжал жить.

Когда-то затянутся душевные раны и у самой Марии. Совсем скоро придёт она к любимому морю, и слово «Азов» не будет холодить душу страхом. Ласковое море на границе воды и суши будет беспечно шуршать ракушками, касаться ступней теплыми волнами. И только

далеко-далеко в синеве, там, где море сходится с небом, будет виднеться еле различимая чёрная точка, от неё по волнам донесётся протяжный заунывный звук, напоминая о былом...

Всё это будет, а пока Мария спит глубоким сном, ей больше не снятся сны о войне.

ПОЗЫВНОЙ «АМЕРИКА»

Рассказ

Всплеск. Круг на воде ширился, нарушая хрупкость отражённой реальности. Следом за ним — второй, третий... Белый войлок кучевых облаков, проплывавших в небесной синеве, вдруг искался, изогнулся и небо, зачкалось, как лодочка на волне. Пролетев ещё немножко, плоский камушек опять оттолкнулся от поверхности реки, совершил очередной прыжок и, будто споткнувшись, пошёл ко дну. Встревоженная стрекоза, сверкнув крыльшками, сорвалась со стебля осоки и умчалась прочь.

Этим мартовским утром, ещё не вобравшим в себя тепло щедрого южного солнца, на улице было особенно свежо, пахло молодой листвой; в прозрачном воздухе, ожившем жужжанием мух и пчёл, витала безотчётная хмельная радость пробудившейся ото сна земли.

— Деда, ты видел? Мой камень три прыжка сделал! А ты так умеешь?

Мальчуган лет семи забежал на веранду, где в кресле-качалке сидел старик, укрытый клетчатым пледом. Мальчик опустился на корточки и ткнулся лицом в колени деда, чем спугнул большого шмеля, танцующего над красным шерстяным квадратом. Жужжа, шмель барражировал ещё некоторое время над клетчатым полотном, потом улетел. Проводив задумчивым взглядом шмеля, старик посмотрел на мальчугана: морщинистое лицо его посветлело, и сам он, казалось, стал моложе.

— Нет, Егорка, я не могу так, как ты, — улыбнулся дед. Он опустил на рыжую макушку сухонькую, без мизинца ладонь, ласково потрепал непослушные вихры правнука. — Раньше мог, а теперь уже силы не те.

— Раньше — это когда был на войне? — Егорка пытливо уставился на прадеда: тот нахмурился, бескровное лицо вытянулось.

Мальчик любил слушать дедовы рассказы о войне. Из них он знал, что у каждого ополченца был свой позывной. С прадедом плечом к плечу сражались его друзья со странными и даже немножко смешными прозвищами. Были среди героев тех историй и «Чапай», и «Ташкент», и «Весёлый». Все они погибли на братоубийственной войне. Вот только прадед не признавался, какой позывной был у него самого — вечно откладывал до другого раза.

Сейчас, затаив дыхание, внук ждал очередную историю.

— Помнишь, ты обещал рассказать, как попал под бомбу, — подсказал Егорка, поглядывая на увечную руку старика.

Втайне мальчик надеялся, что сегодня прадедушка раскроет свой позывной. Он давно для себя решил: когда вырастет, станет военным, как все мужчины в их большой семье, и непременно возьмёт для себя этот позывной.

— Егорка, оставь прадедушку в покое! Сегодня у него трудный и ответственный день! — Из дома на веранду вышла пожилая женщина в белом брючном костюме.

Правильные черты лица её ещё хранили былую красоту, собранные на затылке волосы были аккуратно уложены. Несмотря на строгость костюма, она выглядела празднично: жакет украшал бант из георгиевской ленты и маленький бутон розы.

— Сегодня прадедушку с Днём Освобождения будет поздравлять Президент! — сказала женщина, подходя к креслу-качалке.

От изумления и восторга у мальчугана расширились глаза. Он шмыгнул носом.

— Неужели сам Президент?! Он что, сюда приедет, к нам?! Да, бабушка?

— Нет, к нам не приедет, — улыбнулась она. — Жителей города Миллиона роз он поздравит по национальной сети. Но первой поздравлю нашего героя я. С праздником тебя, папа! — склонившись к старику, женщина обняла его за шею и поцеловала в щёку.

— Ура! — радостно крикнул Егорка.

Он сбежал со ступенек веранды к речке, схватил увесистый камень и далеко закинул его в воду. Камень громко булькнул, пустил сердитые круги по воде.

— Спасибо, доченька... Спасибо, Лизонька, — отец благодарно коснулся её руки.

— Я так рада, что тебе стало лучше, — сказала она. — К празднику нагладила твой парадный китель. А ёщё, пока ты болел, из военкомата передали медаль. Вот гляди, на ней изображён аэропорт.

Лиза вложила в ладонь отца красную велюровую коробочку. Внутри была серебряная медаль. На лицевой стороне её, в верхней части круга, — государственная символика, в центре — очертания руин терминала, диспетчерской вышки и надпись: «Шестьдесят лет со дня Освобождения».

Напрягая глаза, старик внимательно разглядывал детали изображения. Да, всё именно так, как запомнилось ему.

...Мини сыпались на двор монастыря одна за другой. На брускатке после взрывов оставались круги, похожие на те, что расходятся по водной глади, стоит запустить в неё камешком.

— Монастырь, приём! Ответь «девятке»! Монастырь, приём! — шипя, требовала рация.

На полу под крупными кусками штукатурки неподвижно лежал ополченец. Где-то совсем рядом за стеной раздался оглушительный взрыв. Стены трёхэтажного здания вздрогнули. С потолка снова посыпалась штукатурка. Солдат застонал, пошевелился. Ещё один снаряд попал в здание, заскрипели балки перекрытия, заскрежетали оголённой арматурой. Где-то с грохотом обрушилась то ли стена, а может,

лестничный пролёт. Сознание вернулось к раненому. Рука его легла на нагрудный карман, повозившись, он всё же вытащил рацию. Непослушные пальцы на ощупь искали кнопку, чтобы ответить. Каждое движение давалось человеку с большим трудом. Казалось, боль заполнила всё тело. Рация настойчиво вызывала монастырь: требовала, кричала, ругалась. Наконец пальцы справились: раздался характерный слабый щелчок.

— «Девятка», приём! «Америка» на связи!

Собственный голос, непривычно хриплый, надломленный, показался раненому чужим, будто кто-то другой назывался его позывным. Прикусив губу, чтобы не застонать от боли, ополченец сумел приподняться на руках, затем, чуть двинувшись, привалился спиной к кирпичной кладке стены. Огляделся: он находился в длинном коридоре. Сильно пахло гарью, нос и рот забила едкая пыль. Теперь в положении сидя боль сосредоточилась где-то слева, захватив весь бок и руку. В памяти всплыло то, что случилось до ранения.

Отряд, в котором служил Сергей Березин, он же «Америка», входил в тактическую группу «Суть времени» и нёс боевое дежурство в полуразрушенном монастыре, недалеко от нового терминала аэропорта. «Суть времени» удерживала сам монастырь и посёлок Весёлое. После интенсивных боёв и перехода аэропорта под полный контроль ополченцев наступило перемирие. По крайней мере, так они считали, ведь на перемирие согласилась вражеская сторона, был объявлен день тишины. Многим ополченцам тогда удалось на короткое время вернуться в город Миллиона роз, навестить свои семьи. На передовой остались нести боевое дежурство лишь небольшие отряды. Именно в тот день противник открыл ураганный огонь по позициям ополченцев, двинули вражеская бронетехника, пехота. А на пути у них стоял женский монастырь, келья настоятельницы — «двойка» и трёхэтажный монашеский корпус — «трёшка». Здесь отряд из девяти ополченцев и принял бой. Когда от обрушенной башни, кем-то метко прозванной «пеньком», выдвинулась вражеская бронетехника, командир отряда приказал рассредото-

читься по корпусу. На втором этаже «Америку» оглушило, и он потерял сознание.

— «Америка», докладывай обстановку, приём! — облегчённо вздохнув, приказала рация.

— У нас перемирие! — ухмыльнулся «Америка». — Удерживаем «трёшку».

Краем глаза он заметил тень: в проёме появилась неясная фигура. Враг?! Отложив рацию, не сводя глаз с силуэта, ополченец нашупал возле себя СВД⁷, резким движением закинул винтовку на ноги, клацнул затвором.

— Спокойно, Серый, это я — Андрей. У меня рация накрылась. Осколками посекло, чудом жив остался. Ты как? — Под берцами «Ташкента» хрустел битый кирпич, шоркалась и ломалась обвалившаяся штукатурка.

Березин молча протянул рацию командиру отряда. Тот, окинув Сергея взглядом, присел рядом.

Рация шуршала динамиком. На той стороне снова требовали дождить обстановку.

— Я «Ташкент»! — наконец командир ответил. — Докладываю! От «пенька» идут два танка и два БМП⁸. Нас утюжат «Градами»⁹ и сто двадцатыми. Два «Гнома»¹⁰ накрылись, «Утёс»¹¹ разбит прямым попаданием. Осталось лёгкое стрелковое вооружение и «Мухи»¹². Потерь в личном составе нет. Ждём подкрепление. Поддержите огнём. «Девятка», приём!

— Поддержать огнём не можем! Не дайте танкам прорваться в город, держите «трёшку»! Вышлем подкрепление при первой возможности, приём!

— Есть — держать «трёшку»! — Прервав вызов, «Ташкент» на правах командира сунул рацию к себе в карман.

— Слыхал, брат? Надо держать «трёшку», а ты развалился тут! — он подмигнул, на чёрном от копоти лице сверкнула белозубая улыбка. «Ташкент» поднял с пола каску и нахлобучил

⁷ СВД — снайперская винтовка Драгунова.

⁸ БМП — боевая машина пехоты.

⁹ «Град» — реактивная система залпового огня (РСЗО).

¹⁰ «Гном» — ручной револьверный гранатомёт.

¹¹ «Утёс» — крупнокалиберный пулемёт.

¹² «Муха» — реактивная противотанковая граната.

«Америке» на голову. — Сильно тебя? — командир кивнул на окровавленную руку Березина.

— Чем это меня так шарахнуло? — «Америка» тоже разглядывал рану — мизинца как не бывало.

— Танк. Прямое попадание, — мрачно пошутил «Ташкент» и крикнул: — «Весёлый», «Карась», ко мне!

Снова ударила вражеская артиллерия. Здание вздрогнуло, закачалось. В коридор вбежали бойцы.

— Парни, тут Серого зацепило. У кого гемостатик? Обработайте рану.

— ...Папа, просыпайся! — Лиза осторожно потрепала по плечу задремавшего на веранде отца. — Медсестра пришла делать укол. Пойдём в дом.

— Да я ведь и не сплю, — старик открыл глаза.

— Не обманывай, — Лиза наклонилась к нему, дотронулась до отцовских ладоней. — У-у, руки совсем холодные! Давай я согрею, — погладила замёрзшие пальцы. — Папа... — начала она, в голосе слышалось некоторое смущение.

— А? Ты хочешь что-то сказать? Ну, говори, — старик заглянул в лицо дочери.

— Так... Ничего особенного, — Лиза пожала плечами, — просто ты стонал во сне. Я волновалась...

— Привиделось что-то, — нарочито бодро ответил отец. — Говорю же: я прекрасно себя чувствую. — Он ласково смотрел на дочь, пригладил прядь на её голове и спохватился: — А где гости? Лёшку нашего отпустили с заставы? — вспомнил о внучке.

— Гости уже в доме. Просто мы не хотели беспокоить тебя. А Лёша отмарширует на параде и к нам присоединится — никуда не денется, — потом Лиза добавила о муже:

— Жаль, Антона не отпустили: дежурство у него. — Она ещё раз, словно выискивая признаки плохого самочувствия, всмотрелась в лицо отца.

— Да не беспокойся ты. Всё хорошо, — ради шутки старый солдат сделал строгое лицо и по-командирски приказал: — Веди гостей!

— Пап, давай после укола, а? Пойдём в твою комнату, — улыбнулась дочь.

Старик не возражал.

Спустя полчаса Лиза проводила медсестру. К тому времени в доме был накрыт стол, но погода стояла дивная, потому старик попросил начать празднование на свежем воздухе.

Снова началась подготовительная суета. Из роллеты на потолке веранды дочь выдвинула полотно большого сенсорного экрана и настроила трансляцию парада. Затем Лиза вывела на веранду отца, устроила его в любимом кресле, придвинула к нему небольшой стол, на который поставила коробочку с медалью. Ещё на пару минут женщина заскочила в дом и вернулась, неся перед собой парадный китель с орденами и медалями. Следом стали выходить гости: родственники, друзья.

Уже шла трансляция парада. На экране появилась главная площадь города Миллиона роз с памятником Воину-победителю. Полукругом, обозначая границы площади, стояли административные здания с мраморными колоннами, украшенными гирляндами из роз. На парад собралось много горожан. То тут, то там мелькали радостные лица, воздушные шары, государственные флаги. Мимо площади, по прилегающей улице, катила боевая техника, слышался лязг гусениц вперемежку со звуками военного марша.

Эти звуки никак не отпускали Березина. К нему подходили гости, поздравляли, чего-то желали, разглядывали новую награду, но он едва слушал людей сквозь тот страшный голос войны. И память вновь подкидывала старику картины из прошлого.

...Гул приближающейся тяжёлой техники, страшный грохот, канонада... Танки подошли слишком близко и в упор обстреливали «трёшку». Они укрылись метрах в сорока, за земляным валом. Время было упущено, и теперь за естественными складками земли ополченцам было не достать вражескую технику даже «мухами».

Артиллерия ополченцев до сих пор молчала. Две бээмпэшки и вражеская пехота, засевшая

в «зелёнке», блокировали все подступы к монастырю. Бойцы формирования «Суть времени», спешащие на подмогу к ополченцам, не могли пробиться по обстреливаемой местности. Остальная бригада «Восток», в которую входила «Суть времени», отбивала натиск врага у нового терминала. Наступал переломный момент, и обе стороны понимали это. С позиций врага снова обрушился артобстрел. В полуразвалившейся «трёшке» ждали следующей атаки: ополченцы залегли каждый у своей бойницы. Есть среди них и совсем юные... На вид — вчерашние школьники, студенты. В любое мгновение может оборваться их жизнь. Выдержат ли? Будут ли стоять до конца?

«Ташкент» неплохо знал своих ребят, а некоторых — с самого детства. С «Чапаем» — Юрой Синицыным — даже в садик один ходили. Юрка, белобрысый выпускник филфака, без леденцов — ни шагу. Вот и сейчас он открыл коробочку: разноцветные стекляшки монпансье напоминали о мирной жизни. В школе Юрка читал про героя Гражданской войны Чапаева, настолько впечатлился, что взял себе такой позывной. К тому же и война нынче шла та самая — гражданская... Когда вражеский снаряд попал в здание краеведческого музея, Юркина мама была на работе — там же, в обрушившемся крыле...

Юрка почувствовал на себе взгляд «Америки» и, улыбнувшись, протянул ребятам коробку с леденцами.

«Весёлый» на передовой тоже не первый день. Его младшую сестрёнку убило миной прямо на школьном дворе. Этот не отступит, сдержанный, угрюмый. После гибели сестры никто не видел, как «Весёлый» улыбается. Его дом тоже накрыло «Градом» в том самом посёлке Весёлое, в нескольких километрах отсюда. Потому и позывной такой — «Весёлый». Никто не знал его настоящего имени. Сам он был молчалив, говорил редко и только по делу.

У дальней бойницы «Америка» — единственный кадровый военный в отряде, снайпер — наносил очередную засечку на прикладе СВД. Такие воины, как он, стоят десяти! Это он, Березин, учил ребят военным хитростям,

благодаря ему те выходили из разных передряг живыми. Когда Сергей Березин появился в «Сути времени», к нему отнеслись с недоверием и даже сторонились. На это была причина: выяснилось, что он пришёл с вражеской стороны. Говорили, детство Березин провёл в городе Миллиона роз, потом родители увезли его в столицу некогда единой страны. Ходили слухи, что родные отказались от него, когда он решил перейти на сторону ополченцев. Со временем сослуживцы стали доверять ему, самому опытному в группе.

Артобстрел пошёл на убыль и вскоре стих. Снаружи долетал дёрганный треск стрелкового оружия из «зелёники».

— Слушай приказ! — «Ташкент» обвёл бойцов взглядом. — Рассредоточиться по уцелевшим бойницам. Работать, часто меняя позиции, на всех этажах. Пусть думают, что нас здесь целая рота, — командир, заметив недоумение и даже усмешку на лицах бойцов, выдавил кислую улыбку: — Ну, или хотя бы взвод. Тогда появится шанс, что пехота из «зелёники» не попрёт, — выиграем время до подхода наших.

— Командир, всё одно останемся здесь. Чего нам бегать, как тараканам? Не будет подмоги — вся территория перед «трёшкой» как на ладони. — «Ташкент» выхватил взглядом сказавшего это бойца: на усталом лице «Карася» обречённость.

«Неужели конец?..» — пронеслось в голове «Ташкента». Ему показалось, что в следующее мгновение эта мысль пришла всем бойцам.

— Эх, не видать нам Америки! — привычно выдал свою козырную фразу «Америка». — Не хотел я вам говорить... На той стороне однополчане мои из 63-й. Вижу их командира. Сейчас пойдут на нас.

Празднование завершилось, гости разошлись по домам несколько часов назад.

Вечерело. Огненный шар светила клонился на запад. Оно ещё ласкало весенним теплом, но в воздухе угадывалось: вот-вот потянет ключей прохладой.

Старый солдат Сергей Березин наблюдал, как из-за реки, с полей, плывут молочники-

сельные рукава тумана. Казалось, время остановило ход, и только туман, искажая реальность, преображал пространство. Скоро он подкрался к залитой электрическим светом веранде.

Старик чувствовал, даже знал: сегодня должно что-то произойти — непременно хорошее, радостное. С таким предчувствием он проснулся утром. Березин был знаком с этим удивительным ощущением с детских лет: оно возникает само собой, как будто из ниоткуда, и не важно, идёт ли за окном серый дождь или сияет весеннее солнце.

— Папа, гости разъехались, надо ложиться спать. Уже холодаёт. — На веранде раздались шаги дочери Лизы.

— А ты накрой меня пледом. Я ещё побуду немного здесь, — ответил отец.

— Вот так всегда, — шутливо, как ребёнка, его укоряла дочь. — Ещё пять минут — и спать! — затем добавила: — А плед я, конечно, из дома захватила, папочка. Знаю ведь тебя... — она укрыла отца. Лиза пошла в дом, но у самой двери обернулась: — Слышишь, пять минут! — и погрозила пальцем. Она шагнула на порог, но отчего-то задержалась в дверном проёме, опять обернулась: — Папа... Пап, всё хорошо?

В кресле-качалке неподвижно сидел отец.

— Пять минут, — ответил он, стараясь говорить бодро.

Лиза тряхнула головой, будто отталкиваясь от дурной мысли, зашла в дом, но снова задержалась, наблюдая за отцом через стеклянную дверь. Размеренное покачивание кресла развеяло в женщине тревогу, и Лиза направилась вглубь дома.

Снова на веранде раздался шум. Или это чьи-то шаги?..

— Время ещё не истекло, — сказал старик, думая, что дочь вернулась.

— Странная штука — время... Правда, Берёза? — ответили ему.

Этот голос с лёгкой картавостью он узнал бы из тысячи других, хоть не слышал его многие десятки лет.

— Мишка, ты живой?.. — Холодный озноб пробежал по телу Березина, когда со двора из

пелены тумана на веранду поднялся давний знакомый.

На нём полевая форма старого образца; точно такая же была и у него, Сергея Березина, в довоенное время — лейтенанта 63-й стрелковой.

Мишка, разудалый друг Мишка! Всё тот же открытый взгляд серых глаз, высокий лоб, насмешливая улыбка. Тогда ему было двадцать пять. Время не тронуло его.

— Ты на курсе был самым метким, — сказал Мишка, — я сразу понял, что это была твоя пуля. Знаю, Кешу и Юрáса ты уложил в том бою.

В Мишкином голосе не было упрёка, он говорил так, словно они с Берёзой давние друзья и встретились вспомнить минувшее.

Старик кивнул, затем, будто сбрасывая наязчивое прошлое, тряхнул головой. Глаза его с замутнёнными райками увлажнились, он посмотрел на друга, подбородок мелко затрясся, но сумел совладать с накатившими эмоциями. Теперь взгляд его стал ясным.

— Как ты догадался, что это именно я, — с вызовом в голосе прервал молчание он.

Мишка прошёл внутрь веранды, встал, прислонившись к перилам, — так, чтобы получше разглядеть постаревшего друга. Туман сгущался. Мишка, как будто играясь, тронул ладонью молочный сгусток — тот чудесным образом рассеялся.

— Мы пытались перехватить ваши переговоры, но до нас дошли лишь пустые обрывки. — Мишка говорил безразлично, как будто не придавал сказанному особого значения. — Когда после Кеши упал Юрáс, я почему-то подумал о тебе, потом случайно по радио услышал позывной «Америка». Тогда меня осенило: это ты. Все на курсе знали твою козырную фразу. Даже размечтался, что встретимся с тобой, — Мишка криво усмехнулся, исподлобья посмотрел на старика.

— Но прежде тебе или кому-нибудь другому пришлось бы убить меня, — мрачно ответил Березин.

— Меня всё время мучил вопрос: почему ты перешёл к ополченцам? — равнодушно обронил Мишка.

— Армия не должна стрелять в свой народ! — «Америка» в упор посмотрел на друга и по воле судьбы — врага.

Мишка выдержал тот тяжёлый взгляд. Продолжил:

— И последний вопрос. Ты сразу понял, что в перекрестьи прицела я, или это случилось после?

— Сразу. — Березин всегда был честен. — Старик не отвёл глаз от Мишки, сжал синюшные губы. Он знал, каким будет следующий вопрос и, не дожидаясь его, добавил: — Иначе ты убил бы того парня.

— Но он пришёл за нашими жизнями, — Мишка скрестил руки на груди.

— Он пришёл к нам на помощь, — был ответ Березина.

...С новой силой ожила «зелёнка», но теперь пули не устремлялись в проёмы бойниц. Стрельба поднялась неистовая, усилился миномётный обстрел.

— «Америка», глянь, что там происходит! Может, наши на прорыв пошли? — в голосе «Ташкента» тревога и надежда.

Березин прильнул к оптике.

— Это надо видеть, парни!.. — только и смог воскликнуть он.

Ополченцы как один кинулись к амбразурам в стене, через которые контролировали подступы и дорогу, ведущую к монастырю. Да, на это стоило посмотреть даже под шквальным огнём! По брускатке в полный рост, не кланяясь пулям, не пытаясь увернуться от них, шёл молодой ополченец. Вокруг падали мины, усеивая всё вокруг смертоносным металлом, а неуязвимый солдат берцами вдавливал осколки в крошку разбитого камня. Казалось, невидимый покров спустился на защитника храма с обгоревшего креста на скелете луковки, чернеющей в задымлённом небе.

— Это же «Белка» с увольнительной идёт! — сказал кто-то, и бойцы недоумевающе переглянулись. — Он что, с ума сошёл — убют же!

Ополченцы, не дожидаясь приказа, ударили со всех стволов по «зелёнке». В ответ часто застучал свинцовый дождь по мешкам с песком у амбразур.

— Пятьдесят два, пятьдесят три... — шептали губы «Америки», отсчитывая каждый шаг «Белки».

Вдруг в «зелёнке» Березин заметил снайпера, залёгшего наизготовку: делал он это суetливо, и поэтому, казалось, неумело — будто сам нарочно под выстрел подставлялся. В перекрестье прицела «Америки» попало лицо противника: он сразу узнал своего давнего знакомого. Огонь! Враг, вздрогнув, взглянул в направлении выстрела и как будто узнал того, чья пуля его убила, затем улыбнулся привычно, как другу, и в следующее мгновение умер. «Америка» отпрянул от бойницы, перевернулся на спину, закрыл глаза.

— Чертяка! Что он творит?! Дошёл-таки! — через шум боя услышал Березин.

В этих словах были удивление и радость. На глазах у всех — и с той, и с этой стороны — ополченец совершил чудо! «Белка» сделал невозможное! Врагам он показал неуязвимость, а значит, правда на стороне защитников монастыря да всего города Миллиона роз. Своим товарищам он вернул веру в себя, в их правое дело. У обвалившихся ворот монастыря «Белка» принял бой. Его ПКМ¹³ смолк, когда снаряды посыпались один за другим на позицию «Белки». Потом шёл долгий ожесточённый бой. Смертельно раненный «Ташкент» до последнего вздоха руководил защитой «трёшки»: в «зелёнке» дрогорала подбитая им БМП, когда под завалом стены погиб «Весёлый».

Ближе к полуночи противник, понёсший большие потери в технике и живой силе, отступил. Потом была радость встречи ополченцев со своими. А ещё — за братьев, не чокаясь...

Тело «Чапая» не нашли. В «зелёнке» лежали обгоревшие лоскуты униформы и оплавившаяся банка монпансье. Их и похоронили рядом с «Белкой», «Ташкентом» и «Весёлым».

Плотный туман проник на открытую веранду.

— Пришло твоё время, «Америка», — Мишка широко улыбнулся и протянул Березину руку.

¹³ ПКМ — пулемёт Калашникова модернизированный.

— «Америки» давно нет. Его не стало много лет назад. Он остался там, в монастыре, где лежат его друзья и ты, Мишка, тоже, — говорил старик.

Вздохнул, будто выдыхая тяжесть прожитых лет, — теперь Березин дышал легко и ровно. Он смотрел на Мишку и знал: ничто не могло разрушить их дружбу. Старик скинул груз прошлого и даже как будто расправил плечи, насколько это было возможно сделать в креслекачалке. Свобода, лёгкость наполняли его: никаких сожалений, упрёков — только радость от встречи.

Березин в ответ протянул руку Мишке, и они оба — невесомые — сквозь туман взмыли в небо. Сверху Березин увидел любимый город Миллиона роз. Чернеющая лента реки отделяла его от терриконов с вышками шахт. Подсвеченные редкими огоньками, они казались сказочными гигантами, охраняющими подступы к городу, а сам он светился огоньками от кафе, ресторанчиков под открытым небом, огромного стадиона в виде чаши, фонарей в парках.

Мишка и Березин ещё раз пролетели над домом, разбуженным тревожными всполохами маячков «Скорой помощи». Во дворе стояли люди с носилками, чемоданчиками, Лиза у ступенек веранды куталась в шаль. Но больше Березина здесь ничто не держало...

Они с Мишкой летели дальше над раскинувшейся степью. Ветреную мартовскую ночь по волшебству сменил солнечный тёплый день. Воздух, наполненный ароматом весенних цветов, стал влажным и солоноватым. Впереди засияла полоска воды.

— Куда мы, Мишка? — молчание нарушил Березин.

— Туда, где все примирились, Серый, — был ему ответ.

Теперь перед ними раскинулось бескрайнее море, в бухте, окаймлённой золотом песка, плескались люди, одетые в белые одежды.

— Америка! Вот мы и увидели Америку! — закинув голову к небу, кричал «Ташкент».

Рядом с ним был «Чапай» — улыбаясь, он протягивал вверх коробочку с монпансье. Тут же стояли Кеша, Юрác и «Белка» и звали присоединиться к ним.

ЭТИ СТРАННЫЕ ЛЮДИ

Рассказ

1

На полу, на груде битого стекла и прочего хлама, прикрытая слоем пыли и крошки штукатурки, лежала иконка. «Скрипач» приметил её под берцами, как только в составе группы штурмовиков после дерзкого дневного наката¹⁴ проник в хату, правда, не смог сразу различить, образ какого святого на иконе.

Неделей раньше российские войска были вынуждены оставить это село, но почти сразу ситуация на фронте переменилась. Тогда они сначала взяли вражеский опорник в лесополосе, укронацисты стали отступать. Затем, пользуясь замешательством в их рядах, обратно в село штурмовики влетели на броне. На окраине заняли этот чудом сохранившийся приземистый домик, где прежде жил пожилой священник Афанасий со своей матушкой Натой. Штурмовики отлично знали эту местность и тех немногих жителей, в основном стариков, которые остались здесь вопреки уговорам украинского командования идти вслед за их войсками.

Высадив группу, броня ходко вернулась под укрытие лесополосы. А укронацисты к тому времени пришли в себя и накрыли группу стрелковым огнём, стали закидывать натовскими минами. Бил пулемёт, и пули его, со свистом прошивая воздух, впечатывались в кирпичную кладку, отбивая со стены штукатурку.

2

И вдруг к обстрелу дома подключилась вражеская ствольная арт¹⁵. «Скрипач» вмиг опустился на пол и вжался в него, успев схватить иконку. Прижимая её к груди, он перекатился в угол подальше от линии огня и разбитого окна с осколками стекла в раме. В комнате, помимо

«Скрипача», на тот момент были все бойцы их группы: ««Фантом»», «Грек» и «Инженер».

Стены дома гудели, но держались. По характерным звукам стало понятно: враг накидывал кассетки¹⁶ окрест. Взрывы теперь гремели в поле перед лесополосой, минуя дом, в котором закрепилась группа. Так укронацисты отсекали штурмовикам обратную дорогу к своим позициям и заодно затрудняли движение пехоты из лесополосы. Теперь группа оказалась отрезанной от подразделения.

Каждый метр этой земли давно был пристрелян враждующими сторонами, как и все подступы. Штурмы, засевшие в хате, понимали: второго шанса на стремительный накат «немцы», так называли на передке бандеровцев, не дадут, а значит, подкрепление к ним придет не скоро. Откатиться обратно в лесополосу через поле, закиданное минами, даже под прикрытием артиллерии слишком рискованно: недавно на передке появились новинки — мины с гироскопами. Русские штурмовики уже встречались с этим коварным натовским оружием, такие мины взрывались даже при хрусте ветки под неосторожно поставленной ногой и накрывали осколками территорию диаметром в пятьдесят метров. Когда в темноте или по серости группа штурмов натыкается на такие мины, то в лучшем случае все трёхсятся¹⁷. На разминирование тяжёлой техникой времени тоже не остаётся: при такой интенсивности ведения боя БК¹⁸ у штурмовиков закончится быстрее, чем будет подготовлен проход для отхода их группы.

«Грек» старший здесь. Он обвёл своих бойцов взглядом, оценивая обстановку: трёхсютсях, а значит, раненых, в группе не было. На забрызганых грязью, испачканных копотью лицах — выражение собранности: ребята трез-

¹⁴ Накат — штурм.

¹⁵ Арта — артиллерия.

¹⁶ Кассетки — заряды запрещённых кассетных бомб.

¹⁷ Трёхсятся — получают ранения.

¹⁸ БК — боевой комплект.

во оценивают ситуацию. Все они добровольцы с самого начала СВО, не первый год на передовой, многое повидали за это время и теперь, оказавшись в хате, без лишних приказов заняли круговую оборону. Все настоящие воины!

Взгляд «Грека» задержался на «Скрипаче».

Вот только «Скрипач»... Он недавно с ними. Два месяца. Пришёл из штаба. Не то чтобы «Грек» недолюбливал штабных, но у него было особое отношение к ним, сложившееся ещё с первой его войны, когда их, добровольцев, погранцов-срочников, отправили в Душанбе в начале девяностых. Тогда это была совсем другая война, не похожая на эту...

А «Скрипач» как гриб мухомор: весь такой красивый, глаза мозолит. Вечно он на виду: грудь коромыслом, а нос к небу задирает, ключий, как ёж, репортажики на свой смартфон снимает, какой он бравый боец. Одним словом, выскочка, штабист. Но при этом угадывался в «Скрипаче» особый сплав из твёрдости и жизнелюбия. «Скрипач» мог раздражать тем, что болтает без умолку, шутит иной раз невпопад. Он мгновенно впитывал новую информацию, адаптировался, гнулся, не ломаясь, если того ситуация требовала, и выстреливал как пружина в критически важный момент. Может, потому и не усидел в штабе. Говорят, завалил «Скрипач» штабных крыс рапортами о переводе на нолик¹⁹. Как это всё совмешалось в «Скрипаче», «Греку» было не понять.

А «Скрипач», пережидая обстрел, перекатился на бок и очистил от грязи образок, затем поднёс иконку к запёкшимся губам и нежно коснулся.

От опытного глаза «Грека» это не скрылось. Была у него привычка примечать каждую мелочь: в бою всё имеет значение. Раньше набожности в «Скрипаче» «Грек» не замечал, но сейчас расспрашивать не стал: не время.

— Кажется, мы застряли здесь, пацаны, — немного погодя признался «Грек», перекрикивая разрывы снарядов, — нескоро увидим свой блинчик²⁰.

— Если вообще увидим, — попытался усмехнуться «Фантом».

Но «Грек» напомнил:

— Под Авдеевкой похуже бывало.

— Скоро «немцы» пойдут. — Инженер сидел под окном у противоположной стены.

Он чуть приподнялся на одно колено и стал всматриваться туда, где среди руин домов засели укронацисты. С другой стороны окна сидел «Фантом». У него на плече ружьё РЭБ²¹, в руках — автомат Калашникова.

Из лесополосы наконец ударила российская артиллерия, подавляя огонь бандеровцев. Часто забили сто двадцатые миномёты, тяжело ухала ствольная артиллерия, слышались разрывы на другом конце села. «Дуэль» эта длилась недолго и означала одно: вот-вот попрут бандеровцы.

С прекращением артобстреловтише не стало. Теперь небо загудело шумом от винтов целого роя дронов. Их лопасти взбивали воздушный безоблачный эфир, издавая звук, похожий на комариный писк, который занозил мысли тревогой. Еле приметный в небе враг-камикадзе со смертоносным грузом в любую секунду мог спуститься и залететь в дом через окно.

«Фантом» снял с плеча ружьё РЭБ, через оконный проём навёл ствол на цель в небе — вражеские дроны. Если повезёт, то «птичка-убийца» выберет их с «Инженером» окошко, если нет, то у другого окна на страже «Скрипач»: он уже приставил к стене свой АК, вскинул дробовик.

В следующую минуту на развязке «Грека» ожила шуршанием и потрескиванием рация.

— «Грек», отвесь «Соколу». Приём, — требовала она выйти на связь.

— «Сокол», слушаю, «Грек». Приём.

— «Грек», доложи обстановку. Приём.

— «Сокол», заняли круговую в доме батюшки Афанасия. Противника пока не наблюдаем. Приём.

— «Грек», над вами только наши птички. Артá подавила их гнездо. Будем вашими глазами. Приём.

— «Сокол», спасибо за хорошую новость. Приём.

¹⁹ Нолик — передовая.

²⁰ Блинчик — блиндаж.

²¹ РЭБ — радиоэлектронная борьба.

— «Грек», передай привет батюшке. Ждём его картошку. Приём.

«Грек» не стал отвечать, лишь щёлкнул пару раз клавишей приёма: значит, принято. Рация умолкла. Теперь, когда стало ясно, чьи дроны в небе, звук их лопастей даже радовал слух. Но «Греку» не до того. Бывалый воин посуворел лицом, мысленно возвращаясь к ужасной картине, которую пришлось увидеть в хате. Много повидал он смертей на войне, но такую бесмысленную и лютую пришлось видеть впервые.

3

Когда их группа, соблюдая меры предосторожности, подходила к хате деда Афанасия, «Грек» сразу заметил, что огород старииков выглядит неухоженным, даже заброшенным. Всегда чистые и вспущенные грядки с кустами картофеля и лука теперь сплошь были забиты всходами бурьяна и полыни. Кое-где вылез из земли жилистыми листами лопух. Окна в доме были выбиты, крыльце покрыто слоем пыли.

«Фантом» и «Инженер», прикрывая друг друга, вошли в хату с крыльца. «Скрипач» и «Грек», обойдя её с противоположной стороны, притаились у единственного в той стене окна.

«Скрипач» взял на контроль прилегающую территорию. До соседнего дома было метров двести, и местность с участками под огороды лежала перед ним как на ладони. С этой стороны хата Афанасия была не сильно повреждена, в окне треснуло стекло от края до края, верхняя часть его выпала из рамы.

В то окно и заметил «Грек» старииков. Они сидели в глубине комнаты друг против друга — так сидят, когда разговаривают. Но хозяева молчали, словно беседа их была прервана. Комната была не на солнечной стороне, а в тени, так что большего разглядеть «Греку» не удалось.

Вдруг он услышал из хаты:

— Чисто!

«Грек» одним выверенным ударом выбил остатки стекла прикладом АК и ломанулся через оконный проём в дом. Там стоял тяжёлый трупный запах. Кроме старииков, в помещении

никого. Они были крепко-накрепко привязаны к стульям. Ко лбу каждого прибита гвоздём красная орлённая книжица. Афанасий облачён в рясу, но креста на груди не было. Застыв, он как будто смотрел в пустоту безжизненными остекленевшими глазами с вырезанными веками.

Вдруг ударил бандеровский пулемёт, штурмы высыпали в прилегающую комнату, заняли круговую оборону.

4

«Грек» хорошо помнил их последнюю встречу с Афанасием. Это случилось накануне тактического отхода русских войск из села. В тот день их ротный в торжественной обстановке вручал старикам по красной книжице — паспорт гражданина России. На гражданство они подали — давно отказались от украинского паспорта блакитного цвета с бандеровским трезубом, и вот пришёл ответ со стороны России. Афанасий и Ната были рады до слёз. Командование настойчиво предлагало им на время уйти из села, но те категорически отказывались.

— ...Странные вы люди, отче! — сетовал ротный. — Поймите же вы, теперь мы не сможем защитить вас!

— За нас майэ кому заступыться та спаси! — отвечал Афанасий.

Он был крепкий ещё стариик, раньше в своём селе служил при церквушке, что высыпалась неподалёку от их со старухой домика. Теперь церковь лежала в руинах, её разнесли укронацисты год назад. С лютой ненавистью расстреляли храм на германском танке «Леопард» безо всякой причины.

По случаю вручения российского паспорта Афанасий сменил мирскую одежду на церковную: на нём была ряса, а на груди большой поповский крест с цепью — единственное, что удалось сберечь из церковной утвари от бандеровцев. Батюшка, гордо приосанившись, пригладил ладонью бороду, повернулся к красному углу горницы. Там на полочке, застеленной расшитым узорами рушником, стояла икона — старая, потемневшая от времени. С неё строго взирал на людей образ Христа Спасителя. На

ложил Афанасий на себя крестное знамение, поклонился.

— Ни! — снова говорил он ротному. — Куды ж мы пидэмо вид нашей хаты? — искренне удивлялся отче. — В нас цыбуля вже растэ, бурык, картопля взийшла. Вы ото вэртайтесь скорише, хлопцы, а мы со старухой отварэм тоди вам свеженькой картопли з маслицем, лучком та сметанкою!

Когда штурмы уезжали из селения, «Грек», сидя на броне, обернулся: на пороге хаты стояли священник с матушкой. Афанасий, благословляя, наложил крестное знамение на покидающих село русских, затем приобнял матушку и долго ещё махал им вслед, зажав в руке красную орлённую книжицу.

5

Затрещав, снова ожила рация.

— «Грек», ответь «Соколу». Наблюдаем движение пехоты в вашем направлении. Поддержим чём сможем. Приём.

А «Грек» уже видел, как меж руинами засуетилась вражеская пехота.

— «Сокол». Наблюдаем немцев. Открываем огонь.

Бой был коротким и ожесточённым. Внезапно «Леопард» с крестами на бортах возник в конце улицы. Он успел сделать всего один выстрел, прежде чем «Сокол» стал закидывать его своими «птичками» — дронами-камикадзе. От них «Леопард» загорелся. И всё же тот выстрел зацепил угол хаты, произошло большое обрушение. «Фантом» и «Инженер» оказались под завалом.

«Грек» сразу понял: те двое погибли. В голове его будто звон набатного колокола. Боль тугими струями поднималась вверх от раздробленной ноги, раскалённой лавой наполняя всё тело. Превозмогая её, он стянул турникетом перебитую осколком ногу, вколол обезболивающий укол.

Рядом застонал и зашевелился «Скрипач». Ему тоже досталось: шлем рассекло, кровь на лице. «Грек» заметил на левом плече «Скрипача» кровавое пятно, которое расплывалось всё больше. «Грек», и сам серёзно раненный, как мог

наложил ему повязку, обезболил уколом. Когда «Скрипач» чуть оклемался, он скинул с себя шлем, утёр ладонью кровь на лице, огляделся.

На улице позиции укронацистов снова утюжила артиллерия, так что у штурмов в хате было время собраться с мыслями и подготовиться к отражению вражеской атаки.

«Скрипачу» повезло больше: у него лёгкие ранения, тело покоцало мелкими осколками, так что, несмотря на боль, приглушенную уколом, он мог передвигаться без посторонней помощи.

По полу, густо присыпанному битым кирпичом, «Скрипач» потащил «Грека» в уцелевшую часть дома, туда, где находились убитые старики. Тот искасал губы в кровь, всё же дотерпел, не проронив ни звука. «Скрипач» устроил раненого «Грека» возле окна, а сам занял место с противоположной стороны: теперь у них был неплохой обзор сектора для ведения боя. Отдышались, собрались с мыслями, подготовили оружие. Каждый уложил со своей стороны окна БК, рядом на крайний случай граната Ф-1: сдаваться в плен никто не намерен. «Грек» скинул посечённую осколками и теперь уже бесполезную рацию. И ему, и «Скрипачу» без слов было понятно: боевые товарищи погибли, а силы врага недооценены разведкой — выходит, к укронацистам подоспели наёмники. Знать бы штурмам, что бандеровцы усилены подразделениями профессионалов-наёмников, не полезли бы в село таким нахрапом.

Через сколько страданий и войн прошёл солдат русский, отстаивая свою землю и право на веру! Чего ради едут сюда эти «джентльмены», «паны», «бюргеры» и «месьё»? Чего надо им на многострадальной русской земле? Почему не живётся им спокойно рядом с большим соседом? Здесь, на войне, «Грек» размышлял над этими вопросами, когда приходилось иметь дело с иностранцами. Странные они люди! Каждый раз получают по зубам, но забывают уроки истории и возвращаются снова... Их детям и внукам каяться потом за злодеяния предков перед русским народом.

Но сейчас «Греку» было не до философии. Враг должен быть уничтожен! Или ты, или

тебя! Война есть война. Штурмы готовились к бою как к последнему. В тот момент «Грек» был даже рад, что военная судьба свела его именно со «Скрипачом»: самое время для шуток — пусть и таких, на какие способен «Скрипач».

Боль от раненой ноги с новой силой подступала, и «Грек» сделал себе ещё укол.

— Честно говоря, раньше я думал, что ««Скрипач» не нужен», — сдерживая гримасу боли, начал «Грек» разговор с крылатой фразы известного советского фильма²².

— Это от того, что я не всем «ку!», и штанов малиновых нет у меня, — негромко ответил «Скрипач», он тоже повторно вколол себе обезболивающее.

«Грек» улыбнулся шутке, наблюдая за ситуацией на улице из окна.

— А почему ты «Скрипач»? Музыкант, что ли?

«Скрипач» привычно пожал плечами, забыв про ранение, и тут же сморщился от боли:

— Вообще-то, я на Урале свой бизнес оставил...

— Семья, дети есть? — «Грек», разумеется, знал всё или почти всё о «Скрипаче», тот сам растрепал, как только оказался в подразделении, но тема семьи была подходящей для развития разговора.

«Скрипач» кивнул:

— Жена Ксюша, четверо пацанов.

«Грек», оставив наблюдение, с удивлением посмотрел на «Скрипача»:

— Четверо?! А чего тогда сюда вызвался?!

«Скрипач» в упор посмотрел на своего командира:

— Жена у меня из Киева. Решил сам разобраться, что здесь к чему.

— Так разобрался? — ухмыльнулся «Грек».

О том, что у «Скрипача» жена — киевлянка, он не знал, наверно, и к лучшему.

— Разобрался. — «Скрипач» кивнул на тела замученных стариков.

Помолчали. У «Грека» обида накатила за стариков, закипела в груди злость, желваки заходили на скулах. Была бы здесь жена «Скрипача», то порасспрашивал бы её — мол, что да к чему... Хотя она тут и ни при чём, разве что

из Киева родом. Так ведь и его, «Грека», мамка тоже украинка. А «Скрипач»... Что с него? Им с «Греком» умирать вместе.

«Скрипач» будто уловил это настроение «Грека», продолжил разговор.

— Я с самого начала СВО хотел понять для себя, что происходит... Россия огромная, а братская Украина — маленькая. Для чего, по какой такой причине мы воюем с украинцами? Прежде я не лез в политику. Сыто жил. Ну, Донбасс... Ну, стреляют там где-то... Решил позвонить родне в Киев... Они заявили, что придут к нам на Урал резать семью нашу. Тогда и принял решение приехать сюда. Сам. Раньше о фашистах я знал только из книжек про Великую Отечественную. Теперь стыдно за себя. Жалею, что не приехал сюда раньше, как только майдан случился и стали детей убивать на Донбассе. Вот я и здесь. Правильно говорят: если ты не интересуешься политикой, то политика заинтересуется тобой.

— А жена что? — «Греку» вдруг стало жаль, что раньше не понял этого парня, не разобрался в нём, не сблизился во фронтовом братстве, как это случилось с другими его пацанами.

— Ушла, — коротко бросил «Скрипач», а подумав немного, добавил: — Сказала, ты теперь «Скрипач», а не Виталий Алексеевич, за которого я замуж выходила, от которого рожала детей. Отрёкся, значит, не только от имени своего, но и от нас.

— Выходит, «Скрипач» действительно не нужен? — напомнил «Грек».

— Я понимаю её, — отозвался «Скрипач», — и не сужу. Сложно ей вот так... Но и я по-другому не мог. Знаю, пацаны посмеивались над моими видосами. А снимаю видосики эти я нарочно для детей, чтобы знали: папка их не зря здесь, а воюет за мамку и за них, чтобы к нам домой резать их не пришли, как стариков этих...

— Телефон-то уцелел? вдруг спросил «Грек».

— Цел вроде.

— Зарядка есть?

— Ага.

— Ну-ка, сними нас для мальцов своих. Сними так, чтобы крови не было видно, чтобы не страшно было им. А вырастут, поймут всё сами.

²² «Кин-дза-дза!» (1986).

Пока «Скрипач» возился с телефоном, «Грек» вколол последнее обезболивающее, чтобы боль не выдать на камеру.

На телефоне «Скрипача» на задней крышке написано: «Если 200 или 300, переверни странницу». Обычная практика на передке, чтобы в случае чего послание, отснятое на телефон, дошло до адресата, до родных и близких, вроде как завещание.

— Давай, я готов! — «Грек» нацепил на лицо улыбку.

Отсняли короткое видео.

— Слушай, «Скрипач», а что за иконку ты поднял с пола?

— Феодоровской Богородицы, — ответил он и достал из-под бронежилета иконку, протянул «Греку». — Такой иконе Александр Невский молился перед битвой со шведами и тевтонцами.

Откуда «Скрипач» столько знал об этой иконе, «Грек» расспрашивать не стал; это дело сугубо личное, на войне у каждого свой разговор с Богом.

— Самое время и нам помолиться! — «Грек» перекрестился, возвращая иконку «Скрипачу».

— Только вот батюшку Афанасия и его матушку не спасла иконка эта, — тяжело вздохнул он.

— О вере он говорил, о спасении во Христе! Я рядом стоял, слышал всё, о чём говорил Афанасий. Сильный был старик. Крест нарочно сняли с него, плохо для православного, когда вот так без креста...

— Правду говоришь. Матушку его Нату, видать, первой убили нацики.

— Почём знаешь?

— Веки отрезали ему, чтобы взгляда не отвернул и видел, как жену убивают. — Дальше «Грек» не сдержался, выругался.

Помолчали.

— «Скрипач», нас сейчас размотают на раздва. — «Грек» впился взглядом в «Скрипача», словно проверяя на прочность, сдюжит ли тот в свой смертный час.

«Скрипач» нахмурился, кивнул и стал всматриваться в окно, крепче сжимая цевьё своего АК.

У «Грека» остался последний, самый важный вопрос:

— Вот ответь мне: какая она станет, Родина, после победы нашей? Ведь как Западу в рот заглядывали, даже в НАТО грешным делом вступить хотели... Воюем теперь с ними. Только не все русские приняли это. Сколько народу уехало за рубеж с началом войны, лают теперь из-за ленточки, слюной брызжут. Неужто вернутся эти предатели?

— Какие же русские они после этого?! Не пустим их! — твёрдо заверил его «Скрипач». — Локти грызть будут, каяться, да поздно окажется. Очистится страна наша, как рана от гноя. В храмы люди ходить станут...

«Скрипач», вспомнив о чём-то, торопливо полез под бронежилет. Достал свёрнутую вчетверо замасленную бумажку, развернул её.

— Вот гляди, — он протянул бумажку «Греку». — В штаб как-то гуманитарка пришла, и письма от детей из России.

На листке детский рисунок. Широкими штрихами раскрашено небо голубое и безоблачное. В небе лучистое солнышко. Под небом храм. Он тянется к небесной синеве тремя золочёными главками-луковками с православными крестами. Солнышко улыбается ему и протягивает храму свои лучики. У подножия его разбиты клумбы с красивыми цветами. Чуть поодаль растут берёзки. Перед храмом, взявшись за руки, стоит семья. Первый и самый большой — отец, на нём военная форма, на груди медали. Рядом, чуть поменьше, мама с кудрявой шевелюрой в лёгком цветастом платье. Следом выстроились лесенкой по росту дети: трое мальчишек в шортиках и футболках. В руках у каждого шарик. На плечах у папы-солдата сидит маленькая девочка с тоненькими косичками и синими бантиками. Она тоже держит шарик. На лицах светлые улыбки. Внизу чья-то детская рука старательно вывела красным карандашом: «Ждём с Победой домой!»

«Грек» молча вернул рисунок. Развернулся к окну и направил на улицу воронёный ствол АК.

— Спасибо, «Скрипач». Теперь можно и «немцев» ждать, — сказал он, и ему вдруг нестерпимо захотелось хоть на мгновенье оказаться в том самом рисунке, заглянуть в будущее, которого он уже не увидит.

В полуразрушенной хате, на полу, на груде избитого стекла и кирпича, лежал смартфон. Возле него топтались песочного цвета берцы. Рука в перчатке с обрезанными пальцами осторожно подняла гаджет. На задней крышке телефона на русском написано: «Если 200 или 300, переверни страницу». Обычная практика на этой странной войне... Пальцы ловко нашли нужную запись: пошла картинка и звук. Двое русских о чём-то говорят, один — тот, кто снимал видео, в конце съёмки прочёл стихотворение. Не всё из сказанного было понятно иностранному уху, но кое-какие слова оказались всё же знакомы. Стихи о Родине читал тот воин.

— Странные эти люди... — прозвучало по-английски.

— Ты о ком, Майкл? — отозвался солдат в натовской форме.

— О русских. Смотри, какие счастливые лица. Они знают, что уже почти мертвые, и при этом читают стихи! Никогда не понимал русских! Может, поэтому у нас такое сильное желание уничтожить их?

— Нам никогда не одолеть их, Джо... — второй покачал головой.

Тяжело вздохнув, наёмник в знак уважения к павшему воину выполнил последнюю его волю. Он понимал, для чего воины оставляют на телефоне эти надписи с цифрами.

Владимир Геннадьевич СОФИЕНКО

родился в 1968 году в г. Темиртау (Казахстан). Прозаик. Автор книг

«Ожидание в 2000 лет», «Под солнцем цвета киновари»,
«Смотритель реки», «Жизнь по зернышкам».

Публиковался в журналах «Север», «Carelia», «Нева», «Роман-газета»,
«Нижний Новгород», «Полдень XXI век» и др. Рассказы переведены
на финский, армянский, японский языки.

Лауреат III степени VI, VII, VIII Международного литературного
фестиваля-конкурса «Русский Гофман». Лауреат премии
имени Г.Р. Державина «Во славу Отечества» (2023).

Организатор Международного литературного конкурса-фестиваля
«Петроглиф», который проходит в Карелии с 2013 года.
Член Союза писателей России и Союза писателей ДНР.

— Мама, мама, мама!!! — наперебой кричали мальчишки.

Босоногая ватага бежала по тропке к маленькому дачному домику, мальчишки на бегу возились, вырывали друг у друга из рук смартфон.

Встревоженная этим шумом молодая женщина выскочила на крыльцо, поправляя косынку, она с тревогой оглядывала детей: всё ли с ними в порядке, целы ли руки-ноги. Женщина вздохнула с облегчением, когда самый старший подбежал к ней с поднятым в руке телефоном и победно прокричал:

— Я первый!

— Так нечестно! — захныкали трое его братьев. — Ты сильнее нас и вырвал телефон!

— Я первый увидел! — обиженно произнёс самый маленький.

— Нет, я! — стали спорить с ним остальные.

— Тише ребята! — пристройила их мама. — Что такое? Что случилось?

— От папы сообщение пришло! — радостно закричали они все вместе.

